

АЛЕКСАНДР ПЕРЕХОДЧЕНКО

С тобой
шампанское
вкуснее

Александр Викторович Переходченко

С тобой шампанское вкуснее

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70404736

SelfPub; 2024

Аннотация

Для тех кто с ностальгией хотел бы вспомнить свою двадцатую осень, чувства, встречи, мысли...

Александр Переходченко

С тобой

шампанское вкуснее

I

Краматорск. 2004 год.

Всю ночь шел дождь. Из приоткрытого окна веяло сентябрьской прохладой, в комнате было зябко, и из-под теплого одеяла не хотелось вылезать. Сегодня утро обещало быть хлопотным. Таня, упаковывая чемоданы, мысленно уже была далеко от нашего машиностроительного городка с его вечно дымящими заводскими трубами, угрюмыми серыми улицами. Она сидела в теплой неаполитанской кофейне с чашечкой крепкого эспрессо, любясь заливом и набережной, где кипела незнакомая, но притягательная жизнь, в которую она скоро окунется с головой. Описания итальянской жизни ее мамой, которая уехала на заработки пять лет назад, уже давно подталкивали Таню опробовать свои силы, найти работу в чужом городе, чужой стране. Это должно было произойти, это произошло – Таня уезжает, я же, лежа на спине и выглядывая из спальни, как будто из укрытия, наблюдал за суетливыми движениями тонких рук моей жены, которая через день будет уже не в соседней комнате, а за двадцать тысяч

километров от меня.

– Так... зубная щетка, маникюрный набор, фен на всякий случай взяла, – бормотала она себе под нос.

– Эх, если бы я укатил куда-нибудь, – с иронией начал я так, чтобы она меня услышала, — то оставил бы все расчески, бритвы и шампуни дома, наслаждаясь путешествием, а со всей мелочевкой разобрался бы на месте.

– Солнце, – с небольшим эхом послышалось уже из ванной комнаты, – я продумываю все до мелочей, чтобы потом не отвлекаться, не тратить драгоценное время на пустяки, и еду в первую очередь не в гости, а работать. Если все сложится хорошо, я подберу там тебе что-нибудь, и в следующий раз мы сможем поехать уже вдвоем.

Я встал с кровати, накинул на себя махровый темно-синий халат в серую клетку, сунул ноги в Танины мохнатые тапочки с собачьими мордами, закрыл сквозившее окно и вошел в зал. Усевшись в кресло, я закинул ногу на ногу, изобразив невозмутимую, строгую фигуру, скрывая неожиданно разыгравшееся внутреннее беспокойство.

– Не очень-то мне хочется ехать в Италию, с утра до вечера стучать по мостовой резиновым молотком, вколачивая в нее кирпичи, или присматривать за престарелой местной особой. Если ты готова подобным заниматься, то такой работы и у нас полно.

– А зачем тебе стучать и присматривать? Ты у нас «голова», умный, можно найти занятие по твоим особым способ-

ностям.

– Теоретически я бы мог выучить итальянский язык, благо два иностранных уже знаю. Но если тебе в следующий раз вздумается ехать в Китай, что тогда прикажешь мне делать, учить иероглифы?!

– Скажу сразу, Китай меня не привлекает. Кстати, ты не знаешь, в салон самолета дезодорант можно будет взять?

– Не знаю, – буркнул я. – На Апеннины надо ехать туристом, свободным человеком, побродить по Помпеям, посидеть в винных барах, пообщаться с посетителями местных развлекательных заведений, попрактиковаться в местном диалекте, приставая с вопросами к прохожим: «вы не подскажете, как пройти?..», «...проехать?..», «где я нахожусь?», наконец.

– Отличная возможность попасть в полицию, – перебила она меня, пытаясь застегнуть молнию в одном из двух чемоданов, – там-то научат, как зарабатывать деньги! Радость моя, — кряхтя над молнией, продолжала она, – ты просто злишься оттого, что остаешься один в этой сырости и серости. Ничего, поскучаешь немножко, может быть, это даже послужит на пользу нашим с тобой отношениям.

– Ничего себе немножко! Три месяца самой гадкой погоды в году я буду коротать один, а ты в это время будешь улаживать наши отношения в квартирке с видом на остатки архитектуры эпох барокко и рококо!

Расхаживая по комнате в моих тапках, она продолжала невозмутимо возиться со списками того, что надо было, по моему мнению, утопить в Тирренском море. Я знал, этим разговором мне уже ничего никому не доказать, а тем более не изменить, все уже сто раз обговорено, билеты куплены, поезд на Киев через полтора часа, затем Борисполь, самолет и «до свидания». На кухне засвистел чайник. Я помог Тане справиться с тугой молнией на чемодане, и мы пошли пить чай. Сейчас лишнее было себя накручивать, но я не мог отделаться от прилипшей к моей душе тревоги за родного человека.

– Не переживай, думаю, ты найдешь себе занятие, посидишь со своим другом Димой. Ты все сетовал, что не можешь выделить время попить с ним пиво.

Я чуть не поперхнулся и с досадой воткнул ложку в пиалу с медом.

– Не полгода же мне с ним пиво пить!

– Сереженька, не бросайся в крайности. Давай не будем ссориться перед отъездом. Я люблю тебя и знаю, что ты просто волнуешься за меня. Со мной все будет в порядке, тем более я еду с Ирккой, время быстро пролетит, даже не заме-

тишь, как уже вернуться.

Подошло время выходить. Посидев с минуту на кухонных табуретках «на дорожку», мы спустились во двор. Сизые, пропитанные влагой облака чьей-то огромной невидимой рукой размазало по всему небу, накрыв город огромной матовой крышкой, сквозь которую маленькое тусклое солнце рассеяно обозначало очертания блеклых тополей. Для семи часов утра было слишком мрачно, и от этого становилось неуютно. Такси, старая волга из семидесятых, уже ждала нас. Усевшись и хлопнув ее желтыми дверьми, мы выехали со двора, вклинились в сонный поток машин и покатали в сторону железнодорожного вокзала.

– Милый, – неожиданно Таня прервала тишину, – помни: кактусы поливай раз в неделю, а диффенбахию – два раза.

«Диффенбахия — это тот, ядовитый, в зале», – вспоминал я.

Он мне совсем не нравился — вытянутый с пестрыми крупными удлиненно-овальными листьями, он все время болел и за два года ни разу не цвел, а значит, напрасно занимал свое место. Я терялся в догадках, по каким критериям Таня подбирает растительность в наш дом. Подоконники, уставленные всевозможными видами кактусов, напоминали оградительный заслон против грабителей, только вместо колючей проволоки — шары с иголками. Наверное, это обостренное чувство незащищенности или же проявление «бросаться в крайности» играет не второстепенное значение. Спра-

ведливости ради, можно заметить, что когда этот колкий забор цвел, удивительные цветы радовали глаз, только благодаря этим моментам стоило мириться с нашей жизнью «заключенных». В любом случае я не любил затевать разговор при посторонних людях, и переговариваться на развлечение водителю для меня было невыносимо. Я молча кивнул, продолжая смотреть на промокший город. На перекрестке нам загорелся зеленый. Быстро набрав скорость, наше такси двинулось дальше, часто плюхаясь правым передним колесом в разлившиеся вдоль бордюра лужи. При этом вода заливала лобовое стекло, и старые дворники медленно со скрипом описывали дугу, а водитель, с серым вытянутым лицом и короткими усами в виде растрепанной щетки, кланялся в разные стороны, высматривая сквозь грязные потеки дорогу. Спустившись с моста, мы выехали к старому желтоватому зданию железнодорожного вокзала. Таксист нашел свободное место и остановил машину. Воздух здесь был плотно наполнен различными шумами и звуками: с внешней стороны, стороны города, гудками клаксонов и фырканием моторов, чередой подъезжающих маршруток и такси, сдержанным, озабоченным гомоном отбывающих и провожающих, резким и неприятным слуху голосом громкоговорителя, звучащего откуда-то сверху; с внутренней же — звонким грохотанием товарных вагонов, свистом спешивших скорых поездов, радостными восклицаниями прибывающих и встречающих людей, в которые беспардонно вмешивался тот же

неприятный голос громкоговорителя.

Наш поезд уже принимал пассажиров. Мы подбежали к пятому вагону, в который у нас был билет.

– Поспешите! Стоянка всего две минуты, – предупредила проводница, проверяя билет.

Я закинул чемоданы в тамбур. Таня повернулась ко мне, обвила руками мою шею и улыбнулась. Мелкие капельки дождя, словно росинки, покрывали ее белую кожу лица, редко увенчанного маленькими блеклыми веснушками. Я смотрел на Таню, но тяготившее чувство разлуки не давало вдоволь наглядеться на ее острый подбородок, тонкую линию верхней губы и притягательно полную для поцелуя нижнюю, аккуратный прямой, слегка вздернутый нос и подведенные темной тушью ресницы голубых, как бирюза, глаз. Ее каре от влаги чуть потеряло форму, и светло-русые локоны стали прилипать к мочкам ушей.

– Давай прощаться. – Зажмурив глаза, она поцеловала меня.

– Промокнешь совсем, – беспокоился я.

– Пока, муженек, – нежно сказала она, взойдя по ступенькам. – Обещаю хорошо себя вести, обязательно скучать и поскорей вернуться.

В это мгновенье казалось, что весь город уезжает на этом поезде в край добра и света, и только я один остаюсь на холодном бетонном перроне под дождливым небом.

«Да! – вздохнул я, выходя из вокзала. – И в самом деле,

чего расстраиваться? Какое-то время побыть самому, разобраться со своими тараканами в голове, наконец, просто отдохнуть».

Только от чего отдыхать и как, я еще не совсем себе представлял. На выходе в город я сел в первое попавшееся свободное такси, назвал адрес и утонул в раздумьях. Теперь для меня было бы лучше всего загрузиться работой, что я решительно и собирался сделать.

Из старой части города мы вернулись в соцгород, за центральным универмагом «Кристалл» повернули вверх на Дворцовую и остановились у ряда пластиковых контейнеров цветочников. Продавщицы взглядами голодных стервятников уставились в стекла моего такси, высматривая в них пассажира и собираясь по обыкновению своему накинуться на потенциального покупателя. Но, разглядев мое лицо, они разочарованно скривили кислые физиономии и, отвернувшись, продолжили свои бабские разговоры, согреваясь чаем из термосов. И все потому, что три года назад, сняв комнату под офис в сером и обшарпанном четырехэтажном здании прямо за ними, в народе называемом «домом привидений» или «курятником», я изрядно примелькался здесь. К тому же ходил работать почти каждый день и ничего не покупал, за исключением одного букета раз в год на день рождения Тани.

Усердие над работой выбило меня из ощущения времени. Незаметно прошел день, и я очнулся, когда часы обозначили

четверть седьмого. В ноутбуке я сохранил и закрыл документы, над которыми работал, нажал кнопку выключения и вышел в общий коридор балконного типа, открытый на улицу, вдохнуть пропитанный влагой осенний воздух. Припустил дождь, с крыши толстыми струями, словно в пропасть, падала вода. К цветочникам подъехал вишневый «Опель астра караван» 91-го года выпуска, из него вышел плотный человек с зеленым пакетом в руке. Торопливо перепрыгивая лужи, мужчина зашел в дверной проем на первом этаже. Через минуту, запыхавшись, смахнув с короткой стрижки крупные капли, он крепко жал мне руку.

– Привет, Серега! Как жизнь молодая? Держи. – Димка протянул ключи от моего автомобиля. – Подвеску посмотрели, заменили одну шаровую опору и одну тягу стабилизатора с правой стороны, амортизаторы походят еще, а так все в порядке.

Я пригласил приятеля войти, и мы развалились с ним на трехместном диване, обтянутом бежевым кожзаменителем. Достав из принесенного пакета по бутылке светлого пива, мы провожали еще один безвозвратно уходящий из нашей жизни день.

С Димкой мы дружили со школьной скамьи, учились в одном классе и сидели за одной партой на галерке. Он легко щелкал математические задачки, делал физику за нас двоих, а я писал ему контрольные по иностранному языку. Учителя знали это, но, умиляясь нашей дружбой, ставили хорошие

оценки. Всегда полноватый, ростом метр семьдесят, он был ниже меня всего на один сантиметр, но необъяснимо для меня, по-детски, почему-то стеснялся, считая это своим недостатком. Недавно Дима открыл автомастерскую и помогал ухаживать за моим железным другом.

– Хорошо здесь у тебя, спокойно.

Он встал, прошелся по линолеуму, присматриваясь к рисунку под паркет, присел на крышку темно-коричневого польского офисного стола, стоящего у окна, взял трубку телефона, сделал беспорядочный набор цифр и, выключив, положил ее обратно:

– А у нас сумасшедший дом с утра до вечера.

– Да, – согласился я, – в тишине хорошо получается сосредоточиться.

– А я курить бросил!

– Неужели? Это уже в третий раз, – скептически заметил я.

– Только не надо нудить. Все, решено. Я настроился серьезно.

– Не буду, не буду.

Довольный собой Дима снова плюхнулся на диван и сделал большой глоток из бутылки.

– Над чем сейчас работаешь?

– Перевожу каталог для дончан «Шахтные угольные комбайны».

– Не перестаю поражаться тебе, Серега! Устроился бы на

завод или махнул бы за границу. С твоим знанием немецкого и английского хоть в Штаты, хоть в Германию, хоть на туманный Альбион — везде дороги открыты. А ты сидишь тут в подвешенном состоянии: то есть заказы переводов, то нет заказов, то густо, то пусто.

— За границу в первую очередь нужны узкопрофильные специалисты, уже во вторую — знающие язык, а я, кроме как переводить, ничего не умею. Да и ехать мне никуда не хочется, там чужие люди, чужие отношения. А сидеть на заводе от звонка до звонка, с восьми до семнадцати — принципиально не хочу. Здесь я свободен в своих делах на сто процентов, а при начальниках «шаг вправо, шаг влево...» — сам понимаешь.

— Это точно. — Дима поставил опустевшую бутылку на пол, устроился поудобнее и о чем-то задумался.

В это время многие офисы были уже закрыты, и здание наполнилось совершенной тишиной, слышалось тиканье настенных часов, висевших справа от нас над дверьми. Тишину прервал Дима:

— Может, в баньку махнем? Парилочка, венички... Красота!

— Можно будет. Надо подумать.

— Да что там думать? Времени у тебя вагон! Таня уехала, чем теперь тебе заниматься по вечерам, как не прожигать его в веселой компании?!

— Это точно, но ты сам знаешь: когда нет свободной ми-

нуты, нам что-нибудь хочется такого, а как появляется уйма свободного времени, все желания исчезают куда-то.

– Переживаешь? Понимаю. Ничего, друг, все будет хорошо, Таня у тебя боевая девчонка, а с мамой точно не пропадет.

– Мне не нравится, когда такие поступки делаются для простого самоутверждения. Мой отец по знакомству договорился, что бы ей в крупной фирме хорошее место подобрали, только подождать немного.

– Ну, и какое ее решение?

– Она согласна. Но, по ее словам, не хочет это время проводить, ничего не делая, а на самом деле у нее амбиции разыграли, что не сама нашла себе тепленькое место под солнцем. Хочет этой поездкой всем доказать, что сама способна зарабатывать деньги. По факту никому доказывать ничего не надо, сама себе доказывает.

– Пусть доказывает, самоутвердится, но будет так, как ты и отец спланировали. Правильно?

– Правильно-то правильно, но если у нее не выйдет с этой поездкой, будет еще хуже: она не остановится, еще чего-нибудь придумает...

Я дома. Со щелчком выключателя в прихожей занялась ярким светом лампочка, временно подвешенная на длинном проводе. Отложив после ремонта покупку дорогой люстры до так называемых лучших времен, мы с Таней достаточно

долго пользуемся обыкновенной, в патроне, свыкшись с положением вещей и уже не обращая на такой пустяк внимания.

После улицы воздух в квартире казался спертым. Пройдя на кухню, я открыл форточку, из холодильника достал припасенную бутылку светлого пива. В зале небрежно разделся и улегся на диван у телевизора.

«Вот она, свобода желаний и поступков», – подумал я.

Вспомнились перрон, проводница, пухлые чемоданы, Танины голубые глаза и прощальный поцелуй, суета людей, сбившихся у вагона, мятая табличка за мутным стеклом «вагон № 5». И почему-то казалось, что все это было не со мной.

Мы познакомились с Таней больше двух лет назад, где-то в середине августа. Точную дату всегда помнит Таня, потому я не забиваю себе голову лишней информацией. В невыносимую жару, в конце рабочего дня она, щупленькая, маленькая, ниже меня на полголовы, в коротенькой темной юбке клеш и белоснежной рубашке, принесла мне какой-то заказ на перевод. Задержавшись в офисе на полчаса, в свои двадцать два похожая на школьницу, она мяла пальцами подкрученные плойкой, выкрашенные в рыжий цвет локоны и с интересом шпиона расспрашивала меня: почему я занимаюсь тем, чем занимаюсь. Через три месяца нашего знакомства она перебралась ко мне в квартирку, через год – свадьба, медовый месяц на Азовском море, на Бердянской косе. Невольно я посмотрел на свой безымянный палец правой

руки: с кольцом кисть стала выглядеть по-другому, но мне даже нравилось ощущать себя несвободным и вроде серьезным человеком.

Телевизор погас, все вокруг окрасилось в серые оттенки. Тяжелая, сковывающая руки и ноги усталость от наполненного событиями дня неожиданно обрушилась на меня. Через минут пять я провалился в сон.

II

Неуклонно сдавая свои позиции, даря драгоценные минуты за минутами звездным и уже по настоящему холодным ночам, прошли десять дней. Сосредоточившись на работе, я почти все время проводил у себя в конторке. Пару раз оставался ночевать тут же на диване, в крошечной темноте засыпал под аккомпанемент дождя, глухо барабанившего по металлическому подоконнику. На прошлых выходных я пропадаю у Димы. В субботу его супруга приготовила нам отличный борщ на обед, потом мы втроем пили чай с чудесными блинчиками, макая их в варенье из черной смородины, и играли до поздней ночи в дурака. Добрался я домой к трем часам утра, а днем, хорошенько выспавшись, мы снова ели блинчики, играли в карты – и снова до ночи.

Сегодня, в трудах и тишине, мне удалось закончить каталог угольного машиностроения, который от меня уже неделю ждали в Донецке. Часы отметили восемь вечера. Я встал из-за письменного стола, вышел в коридор и с удовольствием

потянулся руками вверх. Дождя не было, только с козырьков крыш крупные капли воды с лязгом падали на асфальт. Заглушая болтовню цветочников, шумели ясени, раскачиваясь своими огромными темными силуэтами; урчали легковушки, осторожно перекачиваясь через «лежачих полицейских» напротив школы № 22; уличные фонари почему-то не горели – было темно, суетливо и сыро. Пора домой! Я накинул кожаную куртку, закрыл конторку на ключ и вышел на улицу.

Припоминая, что дома пустой холодильник, зашел за продуктами в «Кристалл». Внутри было приятно тепло, пахло свежеиспеченным хлебом, чесноком и готовящейся курицей гриль. Пройдясь по рядам, я собрал в корзину свой стандартный «холостяцкий набор»: два килограмма вареников с картошкой, пачку черного чая и нарезной батон с десятком яиц для гренок. У второй кассы занял очередь за полной дамой средних лет и стал ждать.

В очереди к соседней кассе я увидел знакомое лицо. Катя не замечала меня, задумчиво вчитываясь в клочок бумажки, вероятно, сверяя список необходимых покупок. Когда она подняла взгляд в мою сторону, я не удержался, чтобы ни махнуть ей рукой. Мое движение, наверняка, казалось чудным, и ее лицо оживилось широкой улыбкой. Мы оба расплатились на кассах и сошлись на выходе.

– Сто лет не виделись?! – Для меня эта встреча оказалась больше, чем приятный сюрприз.

Скрывая безудержную радость, вместо желаемых объятий

я скромно сжал ее руку в своей ладони.

– Восемь, — поправила она. – А ты совсем не изменился, такой же худенький.

В секундной паузе мы осмотрели друг друга.

– Чем занимаешься, чем живешь?

– Стригу в парикмахерской, здесь рядом, в гостинице «Краматорск», живу также с родителями в том же доме на Даманском, помнишь?

– Конечно, помню.

– А ты?

– Занимаюсь переводами, документы и прочие бумажки.

– На себя работаешь, здорово! Вижу, женился...

– Да, не так давно. — Неожиданно для себя я смутился.

Мы не спеша прошлись вдоль улицы, вывески магазинов и мигающая реклама разноцветными пятнами расплывались по мокрому асфальту. У остановки в ожидании транспорта толпился народ, мне хотелось поговорить больше, но троллейбус предательски скоро поспевал к ближайшему перекрестку и уже через минуту зашипел открывающимися дверьми напротив нас.

– Мне пора. – Катя снова одарила меня улыбкой, в этот раз уже первой пожала мне руку. – Где я работаю — ты знаешь, будет желание — заходи.

Насытившись вдоволь варениками, я заварил крепкий черный чай и вышел на балкон. Мои соседи этажом ниже

принимали гостей, громко играла музыка, стреляло шампанское. Облокотившись на перила, я смотрел на раскинувшуюся передо мной центральную площадь и думал: «Какой прекрасный вид из моих окон и как редко я стал это замечать». В центре, с белоснежными колоннами и мраморными ступенями, величественно возвышался дворец культуры, обсаженный высокими пирамидами голубых елей. Перед центральным входом разбиты клумбы роз, а левее установлен мощный памятник беспокойного минувшего – вождю пролетариата, перед которым, несмотря на поздний час, несколько подростков катались на роликах.

Сделав последний глоток чая, я отправился в спальню. Белый свет уличного фонаря, пробираясь сквозь причудливый рисунок гардины, облепил темными цветами пол, кровать и меня, улегшегося в этом узоре, будто в пижаме. Снизу все еще слышались музыка, звон столовых предметов, громкие голоса и смех. Грубые звуки врезались в мое сознание, отталкивая сон, они не давали ему овладеть мною.

«Все же я ее повстречал», – думал я о Кате.

Наша встреча в запахе хлеба и пряностей взволновала меня. Воспоминания прошлого яркими вспышками побежали из далеких уголков моей памяти, складываясь в темном пространстве комнаты цветными картинками, и я с удовольствием позволил охватить себя этим воспоминаниям из детства.

В июне девяносто шестого года, успешно сдав школьные экзамены, мы с Димкой перешли в выпускной одиннадцатый

класс. Однажды во второй половине дня, когда горячие солнечные лучи теряли свою силу, мы собрались нашими дворовыми пацанами играть в футбол за домами на пустыре. Во время игры на поле, заведенный нашей беготней, выскочил годовалый доберман. Рыча, лая и прыгая в разные стороны на своих длинных ногах, собака моментально разогнала игроков.

«Ко мне! Герда! – слышался отчаянный тонкий детский голос хозяйки. – Герда! Ко мне!»

Не успел я, спасаясь, залезть на ворота, как почувствовал укус за зад, с характерным треском моих штанов.

– Прости, не смогла удержать, – оттягивая собаку за поводок, оправдывалась совсем юная Катя. Я обернулся. Посмотрев в ее выразительно-грустные карие глаза, на Герду, терзавшую в пыли мой оторванный задний карман, ругаться не смог и молча ушел домой.

– Кавалеры приглашают дам! – срываясь из неоткуда, объявил мужской голос, своевольно возвратив меня в две тысячи четвертый год. Шарканье ножек стульев о паркет, топот ног и звон бокалов проходили сквозь пол, путая мои воспоминания с реальностью. Через какое-то время внизу все затихли, потом снова стали передвигать стулья, звякнула посуда (это кто-то неосторожно усаживался за стол), и тот же мужской голос после пары настроечных аккордов на гитаре рьяно запел: «Тишина-а-а, тишина-а-а...»

Я встал, прошел на кухню и поставил чайник на огонь.

«Поспать мне сегодня не дадут», – злился я. К моей радости песня оказалась финальной. Гости, шумно вывалив на лестничную площадку, хвалили хозяев и прощались:

– Мы непременно к вам заглянем на день машиностроителя!

– Чего так долго ждать? Рады вас видеть раньше.

– Тогда ждите нас завтра! – Все дружно расхохотались над этой шуткой.

– Давайте уже спускаться, – вмешался женский голос, – такси уже ждет.

Слышно было, как они спускались тяжелыми шаркающими шагами, дверь подъезда хлопнула – и, казалось, воздух вокруг замер. Вернувшись в свою кровать, я заложил руки за голову и закрыл глаза: «Может быть, это шанс объяснить ей все?»

III

На круглый обеденный стол, рядом с моноклем в черном пластмассовом корпусе, я выкладывал сыр, колбасу и батон белого хлеба. За столом, в старом кресле, недавно обтянутом новым темно-синим велюром, сидел седой мужчина семидесяти лет. В руке он держал свернутую в плотную трубку одну из уже прочитанных им газет. Время от времени, когда надоедливая муха или комар садились на стену, он осторожно вставал, подкрадывался как можно ближе, заносил бумаж-

ное оружие и бил. «Эх, зараза!» – тихо бормотал он, если вдруг промахивался, и снова усаживался в кресло к столу.

– Хорошо, что зашел, Сережа. Хочу попросить тебя купить мне на рынке поролон, я в кухне окно утеплю.

Я взглянул на обветшалую оконную раму.

– Забудь про поролон, дедушка, закажу тебе новое окно, тем более оно последнее незамененное осталось.

– Не накладно будет, может быть, в следующем году? Этой весной я раму покрасил, зима, говорят, мягкая будет. – обойдусь.

– Нет, пока есть возможность, надо заменить.

– Спасибо, Сережа. – Он встал, хлопнул газетой по очередной «заразе», прилетевшей из сырого подвала, и вернулся ко мне.

Я любил деда всегда, всю свою жизнь: когда мне маленькому он сочинял сказки про далекие планеты, и даже когда от него получал нагоняй за то, что обижал своего младшего двоюродного брата. Сейчас я уважал его возраст, любил пожимать огрубелые от времени и тяжелой работы руки и часто навещал, стараясь задерживаться в разговорах и чаепитиях по возможности дольше.

– Как Таня, у вас все хорошо?

– Все в порядке, дедушка. Таня к маме поехала, погостить.

– Путешествует, это хорошо. Молодость для этого и нужна, чтобы повидать побольше, а в старости вспоминать.

Дед говорил неторопливо, старательно проговаривая сло-

ва, с заботливой теплотой вкладывал в них глубокий смысл и опыт прожитых им лет.

– Молодец, что работаешь. Ты мужчина, а значит, обязан нести на своих плечах ответственность за будущее своей семьи. Женщины ветрены, надо позволять им отдыхать, веселиться, но важные решения принимай сам.

Вода в старом чайнике закипела, и он захлопал крышкой; мы сделали себе бутерброды с сыром и стали студить в пиалах чай. Позавтракав и попрощавшись с дедом, я отправился на работу.

В коридоре, напротив дверей моей конторки, в ожидании стоял лысоватый мужчина лет пятидесяти, в строгом черном костюме и со светло-коричневой крокодиловой папкой подмышкой.

– Здравствуйте, вы, по-видимому, Сергей? Я к вам.

– Да, проходите. – Отперев ключом двери, я пригласил его войти.

– Мамонтов Николай Иванович, – представился гость, усевшись на краешек дивана у самого стола, – я по поводу перевода. Два месяца назад видел у Степана Васильевича, моего коллеги, ваш труд над его статьей о легированных сталях. По его же рекомендации и пришел. Я переговорил с ним о ваших условиях работы, поэтому скажу заранее, что меня все устраивает, осталось только ваше согласие выделить для меня время.

Гость замолчал и вопросительно посмотрел на меня.

– Да, да, продолжайте, что у вас?

– У меня научная работа, диссертация, по обработке металлов давлением, нужен английский и немецкий переводы. В середине ноября я еду в Германию на симпозиум, где буду представлять свое изобретение.

В это время в дверь вошел Дима. Видя, что я не один, он на секунду задержался на пороге. Жестом руки я пригласил его присесть, давая понять, что он не мешает разговору.

– Я так понял, ваш труд направлен на немецкую аудиторию. Вы подумайте, может быть, английский перевод не нужен, или же, наоборот, так как в Германии прекрасно воспринимают английскую речь, можно обойтись только с ним. Вы сэкономите.

– Согласен с вами, немцы воспринимают, но хочу, чтобы один перевод был на их родном языке. Я изучал в университете немецкий и зачту часть одной главы именно этого варианта. А английский — все-таки международный язык, не повредит хорошему делу.

– Хорошо, Николай Иванович, у вас есть работа в электронном виде?

– Да-да, есть. – Он порылся у себя в папке, которая от нескольких десятков лет пользования изрядно потрепалась, извлек из нее прозрачный футляр с компьютерным диском и передал его мне.

– Я просмотрю текст и завтра-послезавтра дам вам ответ. Ведь дело еще в ограниченных сроках.

– Да, конечно. – Он достал из кармана свою визитку, протянул ее мне. — Значит, до связи завтра-послезавтра.

Мамонтов стоя пожал мне руку и поспешно вышел.

– Привет, друг, – начал Дима в тот момент, когда дверь за гостем захлопнулась, и я посмотрел на него. – У меня к тебе дело.

– Давай, выкладывай. – И я, слегка поворачиваясь на своем крутящемся кресле то в одну, то в другую сторону, приготовился принимать информацию.

– У нас в городе открылась новая автомастерская, там работает тонировка стекол. Я хочу попросить тебя позвонить и узнать, сколько они берут за свои услуги.

– Почему сам не позвонишь и не узнаешь все, что тебя интересует?

– Они меня могут узнать по голосу и понять, что это разведка недоброжелателей, а ты человек со стороны, нейтральный.

– Не думаю, что у них работали бы люди с опытом разоблачений конкурентов. За один день они сотню звонков принимают, твой голос — капля в море, к тому же ты лучше меня сможешь расспросить все нюансы.

– Тебе что, трудно позвонить? – возмутился Дима. – Если хочешь, я напишу тебе все нужные вопросы, прочитаешь их с листа.

– Нет, не трудно. Они начнут уточнять детали, я что-нибудь перепутаю, по моей неопределенности сразу станет яс-

но, что мне не нужны их услуги, а только голову им морочу. Более того, излишняя маскировка напоминает детскую игру в шпионов.

Дима молчал, обдумывая, что делать.

– Ладно. – Он по своей привычке сел на край стола, извлек из правого кармана брюк газетную вырезку с рекламной вражеской автомастерской, набрал на моем стационарном телефоне нужный номер и включил кнопку громкой связи: – Здравствуйте, вы тонируете автомобили?

– Да, – очень бодро и ответственно подтвердил мужской голос из телефона.

– Очень хорошо. Сколько будет стоить затонировать «Шевроле Авео», седан?

– Четыреста семьдесят гривен, плюс полоса на лобовое стекло пятьдесят гривен, всего пятьсот двадцать.

– Какую пленку вы используете?

– «Американку», – еще более ответственно продолжал отвечать голос.

– Скажите, у меня машина синего цвета, могу ли я выбрать не черную пленку, а под цвет машины?

Голос из автомастерской стал перечислять имеющиеся у них на складе пленки и их достоинства. В ответ на это Дима дополнительно узнал, сколько стоит работа по тонировке «Фольксвагена Поло», якобы находившегося в распоряжении его жены, и «Ауди А4», виртуально принадлежащего его тестю. Ответственный голос начал уставать, отвлекать-

ся на какую-то другую работу, паузы между фразами стали длиннее, и диалог продолжался мене охотно.

– Последний вопрос, – не успокаивался Дима, – у моего друга «Опель астра караван»...

– Приезжайте к нам со всеми машинами, мы вам все расскажем и посчитаем, — перебивая, заявил голос и замолчал.

– Если бы мы могли подъехать, мы бы уже подъехали! Неужели это непонятно? – Повисла напряженная пауза.

– Это случайно не Дмитрий, хозяин автомастерской «Авто-плюс», звонит? – неожиданно спросил голос из телефона.

Давясь от смеха, я потихоньку стал сползать с кресла под стол.

– Нет, это не Дмитрий и не хозяин!.. – взвизгнул Дима. Он разнервничался и моментально покраснел. – А если вы так со всеми своими клиентами разговариваете, то скоро будете козла в домино забивать вместо работы! – Он со злостью прервал связь. – Наплодились! Тонировать не умеют, а все туда же!

– Они все-таки тебя узнали! – Вылезая из-под стола, констатировал я, уже не сдерживая смех.

– Неважно, главное, информацию получил, хотя это можно было сделать, не разоблачив себя.

– Признаю, ты был прав. В следующий раз позвоню, когда ты попросишь.

Некоторое время мы сидели молча, обдумывая каждый свои дела на вечер и на завтра. Дима перевел дыхание и на-

строился уходить.

– Зайдешь сегодня к нам? Юля тесто поставила, пироги с яблоками будет печь, к семи будут готовы.

– Нет. Спасибо. Сегодня поработать хочу, просмотреть новый заказ.

– Как знаешь.

Дима встал со стола, осмотрелся, чтобы ничего не забыть, кинул газетную вырезку в мусорное ведро, крепко пожал мне руку и исчез за дверью.

В комнате воцарилась тишина. В мобильном я нажал на кнопку меню и проверил входящие звонки. Среди них были два непринятых утренних от одного неизвестного абонента. Я набрал этот номер, пошли гудки.

– Да, я вас слушаю, – прозвучал в трубке мужской голос, который я где-то недавно уже слышал, но не мог сразу вспомнить, где.

– Добрый день. Вы звонили мне сегодня утром...

– А, Сергей? – обрадовался знакомый голос. – Мамонтов у аппарата, это я вам звонил. Ну что, вы уже посмотрели мой диск?

– Еще нет. Заканчиваю старые дела и сразу займусь вашим вопросом.

– Хорошо, буду ждать вашего ответа.

Я положил трубку, заварил себе чай и запустил в ноутбуке диск Николая Ивановича. Диссертация была в сто тридцать

страниц. Обдумав заданные сроки и возможное вознаграждение за свои труды, я решил взяться за этот перевод.

«Уточню завтра стоимость, возьму предоплату и начну работать, – качаясь по привычке в кресле, размышлял я. – Может быть, зайти сегодня к Кате?»

Легкое, давящее грудь волнение заиграло во мне, и щекотливые признаки неуверенности о правильности этого шага моментально усилили это чувство. Под конец рабочего дня, примерно в половине шестого, я поднялся по ступенькам гостиницы, одноименной нашего города, и вошел в светлый салон парикмахерской. Посетителей не было. Катя в клеенчатом специальном фартуке сидела в низком креслице у маленького журнального столика и листала «Dolores», журнал моды, причесок. С первого момента для себя отметил, что она обрадовалась моему появлению, и чувство моего волнения растворилось.

– Привет, я к тебе, по профессиональному делу.

– Проходите, присаживайтесь. Как прикажете вас подстричь? – наигранно официально весело обратилась ко мне.

– Подровняй немного, чтобы было не слишком коротко.

Катя провела рукой по моей голове, пропуская волосы между пальцев, взяла расческу. Зажужжала бритвенная машинка. Смотря, как работает эта чудесная девушка, мне было приятно ощущать ее прикосновения, которые были для меня больше, чем просто прикосновения. Тема для разговора у меня не нашлась, и я молча рассматривал свое зеркаль-

ное отражение.

На вид мне не дать двадцать четыре года. Обыкновенное худощавое лицо с четким обозначением скул, легким румянцем, прямым, правильным носом и разрезом губ, с кажущейся легкой ироничной улыбкой, спокойными карими глазами; они скорее располагали, чем отталкивали встречающихся мне в жизни людей. Мои отец и дедушка были такого же телосложения, поэтому себя я не мог представить в более упитанном теле.

Катя профилировала непослушную с вихром челку, подравнила прямые виски. Готово.

Потушив внутри свет и закрыв салон, мы вышли на улицу. Боясь совершить ошибку прошлой встречи, я решил пригласить ее к себе в офис.

– Как ты сегодня, спешишь?

– Нет. Куда можно спешить в такую погоду?

– Прекрасно! Предлагаю отметить нашу встречу бутылкой шампанского.

Через двадцать минут мы были у меня в конторке. Она прошла по кабинету и уместилась на диване.

– Ты здесь работаешь? Класс!

– Ничего, — явно скромничал я.

Я откупорил красное «Артемовское» шампанское, разлил его по имеющимся у меня в запасе чайным чашкам, уселся рядом с Катей.

– Чем вообще занимаешься? – поинтересовался я.

– По большому счету – работа, на большее желаний не хватает. Работаю недавно, поэтому уходит много сил и внимания. Хочу пойти на курсы повышения мастерства, не решила, на какие именно.

– Как семья?

– С мужем мы разошлись. – Она сделала паузу. – Поженились как-то скоро, все казалось предельно ясным: я люблю его – он меня, в конечном итоге оказалось — мы совсем разные люди. А ты?

– У нас все ладится. Бывают ссоры, конечно, но так, по мелочам.

– Мелочи, – она задумалась. – На первый взгляд они только незначительно дополняют отношения, а на самом деле руководят ими. Все, что нравится тебе в твоём партнере, это они – мелочи; все, что ценишь и любишь. Когда ты в восторге от того, как он спит, прищурившись под первыми лучиками солнца; моет посуду или чихает от пыли, протирая книжные полки, значит, в тебе живет то самое сильное чувство – любовь. Ну, а если этого не происходит, значит, что-то безвозвратно потеряно. – На ее лице скользнула тень грусти. – Извини, что-то я вдалась в слишком глубокие рассуждения.

– А по большому счету мелочи – это мелочи, – бодро заявил я, чтобы как-нибудь приподнять настроение нашей беседе, – иногда не стоит сердиться на то, что человек любит петь в ванной или читать в туалете.

– Это ты про себя сейчас сказал?

– В общем, нет. Так, первое на ум пришло, вот и сказал.

Катя тут же рассмеялась.

За восемь лет, как мы не виделись, произошло очень многое, мы изменились. Вино постепенно нас раскрепостило, я стал рассказывать о своих юношеских похождениях с Димкой, а она смеялась и не верила в наши безумные выходки. Конечно же, мы вспомнили, как впервые встретились благодаря заводной Герде, и выяснилось, что два года, как ее уже нет.

Был уже двенадцатый час ночи, когда мы подошли к подъезду хорошо знакомой мне хрущевки, пятиэтажного дома из серых бетонных плит. Когда-то я часто заходил в него, провозжая Катю до самой квартиры. В полумраке узких лестниц мы подолгу прощались, и каждая ступенька впитала мои самые нежные чувства к этой девочке.

– Что же ты тогда пропал?

– Так получилось, – ничего путного не придумав, сказал я.

– Не пропадай больше.

Она исчезла за темной дверью.

Домой идти не хотелось. Я вернулся к уже закрывшимся ларькам цветочников, поднялся в кабинет, включил в ноутбуке негромко группу «Кино» и улегся на разложенный диван. Казалось, очень давно, где-то в прошлой жизни, тринана-

дцатилетняя Катя ждала меня в сквере; после моих тренировок по боксу мы гуляли пустыми аллеями Юбилейного парка, сидели допоздна на скамье у давно неработающего фонтана под старой ивой, скрывающей нас длинными вислыми ветвями от посторонних взглядов редких прохожих. Где-то в прошлой жизни она невинно прижималась своим плечом ко мне, и ночь, звезды, весь мир пропадали из моего сознания. Только она заполняла всего меня, и я больше не представлял минуты без мысли о ней.

IV

Сегодня ночью мне ничего не снилось, и я прекрасно выспался. На часах было семь утра, когда кто-то постучал в дверь моего офиса. Я решил не вставать, надеясь, что пришедший уйдет, но стук все настойчивее и настойчивее будоражил меня.

«Кто это так рано, да еще на работе?» – закружилось у меня в голове. В конце концов, я не выдержал и посмотрел в глазок. На пороге с широкой улыбкой в ожидании стоял Димка.

– Ты во сколько встаешь?! – отворяя дверь незваному гостю, сердито начал я. – Чуть свет, а ты уже на ногах.

– Привет-привет. А я еду, смотрю, машина твоя стоит, решил перед работой забежать. Значит, ты здесь сегодня ночевал?

– В последнее время домой не тянет, пусто, уныло.

– Да... – многозначительно произнес Дима, изучая содержание сахара на этикетке пустой винной бутылки. – Здесь был праздник, и меня на него не позвали. – Он пытливо посмотрел на меня.

– И не жди, оправдываться не стану.

– Не хочешь — не сознавайся.

Лукаво улыбаясь, он уже начал надумывать что-то, компрометирующее меня, и, чтобы помешать этому, я решил сочинить безобидный довод:

– Вчера один из заказчиков решил отблагодарить меня бутылкой вина. Это преступление?

– Вот! – воскликнул Дима, ткнув указательным пальцем меня в грудь. – Уже начал оправдываться.

– С тобой иногда невозможно общаться, – отступил я.

– Да ладно, шучу. Я с просьбой зашел: мне нужно мебель на даче перенести из летней кухни в дом, сможешь?

– До обеда дела подтяну, во второй половине дня можно поехать.

– Отлично! Останемся с ночевкой, баньку, как договаривались, натопим. Если, конечно, ты не решил продолжить принимать благодарность от своих заказчиков. — Мы расхохотались.

Пока Димка улаживал свои дела на работе, я заехал к Мамонтову, взял у него предоплату, заказал окно в кухню для бабушки и заехал домой перекусить и переодеться.

Диминая дача представляла собой строение из двух этажей над землей и одним подземным, с кладовой, котельной и баней. Вплотную к первому этажу, левее от входа, небольшой пристройкой стояла летняя кухня, а напротив – деревянная беседка, с большим круглым столом посередине. Взавшись за работу с энтузиазмом ударников труда, за три часа мы с Димкой перетаскивали пару огромных старых шкафов, трельяж, антресоль и зеркало, освободив одно помещение и заняв всем этим добром другое. Зачем — не знал и сам Дима, просто мама сказала, а раз надо – то надо. Осуществив благополучный переезд частично деревянных, частично ДСП-шных изделий, мы сели ужинать, играть в карты, а после пошли греться в парилку.

Стемнело. Распаренный и довольный, я тепло оделся, заварил себе черного чая с долькой лимона и вышел посидеть в беседке. Димка вышел на крыльцо, широко зевнул и облокотился на перила. За его спиной Юля понесла вверх по лестнице комплект постельного белья.

– Ты идешь? – позвал он меня в дом.

– С вашего позволения я посижу еще. В городе такой тишиной не насладиться.

– Да хоть до утра, только будь осторожен, чтобы тебя не украли одинокая местная красотка, возвращающаяся из клуба.

В благодарность за заботу я молча кивнул ему.

– Когда замерзнешь — тебе постелено наверху, дверь за

собой запрети, – добавил он.

С этими словами он ушел в дом. Через некоторое время свет на первом этаже погас, и я остался наедине со своими мыслями. Легкий прохладный ветер крутился в беседке, шевелил вымпелом «Победителю соцсоревнования», найденным нами в одном из пыльных шкафов и прибитым здесь на гвоздь в знак сегодняшнего трудового дня.

«А ведь я тоже был пионером. Вот время-то было».

Я вспомнил о Тане, ее редких звонках из Италии, наших семейных планах на будущее. Но чем дольше я думал, тем чаще мысли спотыкались о неожиданную встречу с Катей, проведенном вместе с ней вечере, о нашем общем прошлом. И, в конце концов, я уже точно не знал, с кем бы мне хотелось сейчас оказаться рядом в этой беседке.

V

Через старые окна многочисленными лучиками в подъезд пробивался новый день. Я защелкнул на замок свою квартиру, торопясь, сбежал по свежевывытым ступенькам во двор. Последняя суббота сентября – сегодня день машиностроителя. В центре площади пару десятков людей в ярко-оранжевых жилетах монтировали сцену для праздничного концерта. Погода была замечательной. Сквозь прозрачное безоблачное небо потянулись лучи слепящего солнца, переменяя резко похолодевшие дни, стоял теплый неподвижный воздух. Город пропитался хорошим настроением, даже мрачное

серое здание, в котором я работаю, сегодня казалось более привлекательным, чем обычно.

Ровно в десять я открыл свой офис, прибрал все бумаги, каталоги, вынес мусор, положил двадцатку на стол для уборщицы и вышел в коридор. За перилами город продолжал жить, дыша атмосферой праздничного дня. Внизу двигалась масса людей к супермаркету, а затем обратно, таща огромные пакеты с продуктами. Через дорогу еле слышно прозвенел школьный звонок, и все свободное внизу пространство запестрело цветными рюкзаками разбегающихся по домам школьников. Уборщица закончила наводить порядок у соседей и перешла ко мне. Я сделал несколько шагов по коридору, чтобы не мешать, достал мобильную трубку и набрал номер Кати.

– Привет. Как ты?

– Хорошо, работаю.

– Сегодня чудный день, праздник. Мы сможем увидеться.

– У меня последний клиент задержится до пяти. Потом я свободна.

– Тогда в полшестого у левой ноги вождя.

– Договорились. – Катя рассмеялась в трубку. – Буду тебя ждать.

Я выключил телефон. И вновь, как перед встречей в парикмахерской, сильное, волнительное чувство захлестнуло меня, неожиданное, щемящее в груди и поражающее сердце, заставляющее его биться чаще. Как будто я школьник и со-

бираюсь подарить свой первый букет цветов понравившейся девочке, боюсь что-то не так сказать, потому как все кажется исключительно важным, судьбоносным.

Дождавшись окончания влажной уборки, я закрыл конторку и отправился домой. В квартире, на мой взгляд, был легкий беспорядок, хотя Таня назвала бы это «взрывом».

«Завтра уберу», – решил я, прошел на кухню и стал готовить себе поесть.

Дожевывая свой наскоро сделанный обед, я услышал телефонный звонок.

– Привет, солнце! – Танин голос неожиданно ворвался в нашу квартирку. — Как ты там? Скучаешь? – затараторила она и, не дожидаясь моего ответа, сразу продолжила: – Сегодня выходной, и мы с мамой решили устроить шопинг. Тут так здорово! Я тебе футболку купила.

– Спасибо большое. Как вы? Как мама?

– Мама хорошо. Так вот, синяя футболка с флагом Чехии на груди.

– Здорово, но почему с чешским флагом, а не с итальянским, например?

– Она твоего размера и синего цвета. Тебе же нравится синий цвет.

– Бог с ней, с футболкой. Как работаешь? Условия хорошие?

– Еще не устроилась, маме помогаю. Слушай, ездили вчера в Пизу... Ладненько, у меня карточка на телефоне закан-

чивается. Целую, обнимаю. Пока.

Телефонный разговор оборвался.

Уже стемнело. Изображая собой пизанскую башню, я стоял, облокотившись плечом о балконную перегородку, смотрел на готовую сцену, где уже подключили аппаратуру и проверяли звук. Народ в округе понемногу начал собираться. Хмельная молодежь бродила взад-вперед: то в магазинчик за спиртным, то в темные голубые ели освободиться от ранее выпитой жидкости.

Голос Тани, встряхнувший мое сознание, заставляющий переоценить мои поступки и желания в отсутствие жены, не давал мне покоя. Дело даже не в том, узнает ли она о моих встречах с Катей. Во мне рождалось чувство вины перед женщиной, с которой венчался и которой обещал быть верным и любящим, любящим ее одну. Конечно, тогда я и не предполагал, что мной овладеют те, прежние чувства, которые были во мне так давно, были прочувствованы и забыты, которые вспыхнули вновь, но неприятное осознание разрушенной моей честности крепко засело в душе.

«Еще одна встреча, только одна, – уверил себя я. – Еще один разок побуду рядом с Катей, может быть, осмелюсь на несказанные когда-то мной главные слова, но скажу их в прошлом времени, без права на будущее».

День машиностроителя у нас в городе отмечался из года в

год с особым размахом. Около двадцати тысяч семей непосредственно были связаны с градообразующими предприятиями в создании крупных тяжелых машин: угольнодобывающих и металлоразливающих, прокатных станов и прессов с молотами, шагающих экскаваторов и кранов. Еще сотни мелких и средних компаний, ориентированных на этих гигантов, обеспечивали жизнь семьям сотрудников и, значит, все вместе жизнь всему городу.

Шесть вечера. Въезд машин на площадь был перекрыт милицией. Потоки людей все еще шли, собираясь в одну бурлящую толпу напротив сцены, с которой громко звучала музыка и разноцветные световые столбы били ввысь, разрезая небо. У подножия гранитного пьедестала Ильича, зажатые в тесном скоплении людей, мы с Катей смотрели в сторону сцены, ожидая начала концерта. Вдруг все стихло, на сцене появился ведущий и торжественно объявил: «А сейчас перед вами выступит наш гость, кандидат в президенты господин Янукович!» Толпа вяло загудела.

Равномерно рассыпанные в толпе активисты замахали длинными удочками с бело-синими партийными знаменами. Через четверть минуты, радостно приветствуя собравшихся вытянутыми вверх руками, словно победитель Гран-при «Формулы-1», вышел солидный высокого роста человек. За ним в лощеных пиджаках вышли и обступили большого гостя губернатор области, мер Краматорска и другие высоко-

поставленные особы.

– Земляки! – начал хрипловатым напряженным голосом кандидат в президенты. – Приветствую вас в этот светлый и радостный день, день настоящих тружеников, которых в вашем городе подавляющее большинство. – Толпа загудела, новой волной качнулись бело-синие знамена. Дождавшись, когда радостные крики утихли, он продолжил: – Наша команда, Партия Регионов, идет на выборы, и мы победим, победим для вас, для вашего и нашего будущего! Мы обещаем...

– Давай уедем отсюда, – шепнула мне Катя, будто прочитав мои мысли, – туда, где тихо и нет никого.

– И обязательно красиво, – шепнул я в ответ.

Мы забрали мою машину со двора, проехали вниз по пустому проспекту Мира, свернули в сторону выезда на Славянск.

После оглушительного гама приятное шуршание колес по асфальту наполняло сознание спокойствием. Через минут десять мы выехали из города, на половине пути между городами свернули на грунтовку, разрезающую зеленеющие поля озимых. Я сбавил ход, переключив коробку на первую передачу, и уже скоро остановился у края холма, открывавшего широкий вид на поселок Беленькая.

Мотор заглох. Сокрушительная тишина, изредка преры-

вающаяся вздохом просыпающейся ночной птицы, обрушилась на нас.

– Где это мы?

– Это ландшафтный парк. Здесь всегда красиво, независимо от времени года.

– И как часто ты сюда привозишь девушек? – спросила Катя.

– Не часто, – поспешно ответил я.

– Не часто, но и не редко? – весело и шутливо заметила она, намекая на якобы мое признание в посещении этого места с разными девушками.

– Можно сказать, совсем не часто, – поспешил я исправиться, – был пару раз с компанией. Запомнил место.

– Ага, – засмеялась она, видя, что ловит меня за слова, – кто же тебе сейчас поверит? Не часто, значит, не часто. Зачем же теперь вилять?

– Да не виляю я!

Мне стало самому смешно, хотя чувство досады за неправильные свои слова меня не покинуло. Хотелось как-то реабилитироваться, но подобрать лучший вариант для этого я не мог.

Мы взялись за руки и, шурша кроссовками по сухой траве, прошли в сторону. Перед нами далеко внизу лежал немой город, уже объятый черными лапами надвигающейся ночи. Он не был похож на кипящий жизнью муравейник, сейчас он переливался сотнями огней, будто небо перевер-

нулось, рухнув вниз, рассыпалось под нашими ногами бесконечно далекими звездами. Я приобнял Катю за талию, и мы, одновременно повернувшись друг к другу, естественным и легким взаимным порывом коснулись губами в поцелуе, первом нашем поцелуе. Я желал его в юности и уже давно потерял на него надежду, поэтому не в силах был от него отказаться сейчас.

Где-то совсем далеко за Беленькой, за острой кромкой многоэтажек послышались глухие хлопки праздничного салюта, но мы на него уже не обращали внимания.

VI

В отрезке нашей общей с Катей юности бывали дни, которые я проживал только лишь в ожидании вечеров, когда забрасывал все занятия и мчался к ней на встречу. Мы гуляли сырыми улицами, говорили ни о чем или просто молчали; молчали об общем прошлом и неизвестном хрупком будущем, о котором никто из нас не решался первым заводить разговор. Так и сейчас, будто бы судьба, сделав временной круг, свела нас.

Прошла неделя со дня нашей первой встречи в «Кристалле».

Сейчас мы, обнявшись, сидели в центре города на скамье, на пустынной Аллее Героев, среди каштанов с почти облетевшей листвой. Вдалеке из металлической пятиконеч-

ной звезды развевался «Вечный огонь»; тревожимый порывами ветра он то низко прижимался к гранитному камню, то срывался вверх, но так и оставался неизменно на своем месте. Свет от него пятнами плясал по растущим вокруг елям и высокому темному памятнику в виде женщины, держащей высоко над головой лавровую ветвь.

– Помнишь, как ты здесь мою Герду ловил?

– Конечно, помню. Было поздно, и тебе надо было идти домой, а она, не нагулявшись, не слушалась, и я потратил целый час, гоняясь за ней между деревьями. А ты, кстати, мне совсем не помогала, только смеялась!

– Ты же такой смешной был! – Катя поправила в сторону свои выющиеся локоны и поцеловала меня.

С очередным резким порывом ветра в сквер вошел холодный воздух, на асфальте стали чернеть мелкие точки моросящего дождя. Их количество быстро увеличивалось, и мы, взявшись за руки, побежали к ближайшему дому, чтоб укрыться в подъезде. Через минуту хлынул ливень.

Струи воды зашуршали и забарабанили по металлическим подоконникам, своим шумом заглушая и подавляя все остальные звуки в округе.

– Сегодня не погуляешь, – вздохнул я.

– Поехали ко мне.

– А твои что скажут?

– Ничего не скажут, они уехали к отцу в Киев.

Дождь не прекращался. Не став дожидаться его ослабле-

ния, до нитки промокнув, мы вбежали в рейсовый автобус.

Квартира Катиных родителей была стандартной двушкой, с тесным коридорчиком и небольшими комнатами «вагончиком». Окна выходили по разные стороны, во двор и на противоположную – тот самый вспоминаемый мной пустырь, по которому мы гоняли в футбол. Рассматривая интерьер в свете настольной лампы, я расположился на одном из двух креслиц у журнального столика.

– Смотри, что у меня есть! – Катя принесла из холодильника бутылку красного «Артемовского».

– Приятно вспомнить. Такое же, как на первом нашем свидании!

Я тут же размотал с горлышка фольгу, хлопнул пробкой и разлил игристое вино по бокалам. Катя предложила тост:

– Не совсем свидании, но да, я специально его купила. За сегодняшний вечер!

– За наш вечер.

Мы выпили, пузырьки ударили в нос, а внутри появилось приятное ощущение легкого согревающего спиртного.

– Я тебе не говорил, с тобой это шампанское вкуснее. – Я поцеловал ее в щечку. Катя улыбнулась, опустила свой взгляд в пол, а на месте моего поцелуя вспыхнул румянец.

– Как прошел вчерашний день? – прерывая паузу, поинтересовался я.

– Что именно тебе интересно узнать?

– Все интересно. Расскажи в мелких подробностях с самого утра.

– Проснулась около десяти, в субботу я люблю поспать подольше, мама с братиком уже встали и, как обычно, спорили на кухне.

– О чем же? – поинтересовался я.

– Да, ни о чем, мама со Стасом все время спорят по мелочам. Потом мы попили все вместе чай, убрали в квартире. В общем, скукота, нечего рассказывать. – Катя выдержала паузу, хитро улыбнулась. – Самое интересное было ночью.

– И что же было ночью? – удивился я.

– Ты мне снился. – Она обвила свободной от бокала рукой мою шею и поцеловала в губы. – Сон был очень хороший, но я не буду его рассказывать, а то не сбудется.

– Надеюсь, я был на высоте? – смеясь заметил я.

– Бесстыдник! – воскликнула она.

Я поставил бокал на столик, увлек ее к себе и горячо поцеловал в ответ.

Мы лежали на кровати под теплым одеялом. Она, уткнувшись подбородком мне в плечо, разглядывала мое лицо.

– С тобой так спокойно, так хорошо! – шепнула она.

Я повернулся к ней и поцеловал в носик.

– Мне тоже хорошо с тобой.

– Можно я тебе вопрос задам? Когда мы сидели сегодня в сквере и долго молчали, о чем ты думал?

– Честно?

– Говорите правду, только правду и ничего кроме правды!
Мы рассмеялись.

– Ну, держись! – предупредил я. – Я думал о памятнике.

Катя привстала на локти и вопросительно посмотрела на меня.

– Да, – продолжил я. – Одна из версий появления памятника говорит так: эту женщину изготовили для Грузии, а над головой вместо ветви был кувшин. Для нашего же города таких же размеров предназначался солдат с автоматом ко Дню Победы девятого мая, но по какой-то случайности перепутали вагоны — в Грузию уехал солдат, а к нам она.

– А почему не вернули и не поменяли местами памятники, когда поняли, что ошиблись?

– Это же были советские времена, все решали план и график. Когда, в конце апреля, обнаружили несоответствие, времени для обмена уже не оставалось, так и установили нам ее, а там солдата. Кувшин поменяли на веточку — символ мира. Вот я и думал: какая случайность, нелепая ошибка, кто-то мелом на вагоне не ту отметку поставил, а как заметно эта «мелочь» отразилась на ходе последующих событий — уже ничего не изменить, не поправить.

– Нашел о чем думать. – Катя улыбнулась.

Она встала с кровати и подошла к окну. Желтый свет уличных фонарей ласково коснулся ее обнаженных бедер; я встал вслед за ней и обнял со спины, нежно прижав ладони

к ее полной груди; зарылся носом в ее пахнущие медовым шампунем волосы и поцеловал мочку уха.

Все мне в Кате казалось особенным, исключительным: прямой, с маленькой горбинкой нос, пухленькие губы, волнистые темно-каштановые локоны волос, падающие на плечи и скрывающие идеальные, на мой взгляд, ушные раковины, которые я желал покрывать бесчисленными поцелуями от их мочек до верхних кончиков.

Дождь закончился, и Даманский был особенно тих. Где-то вдалеке послышался странный звук: это были прерывистые гудки клаксонов нескольких автомобилей, звучащие в одночасье; по-видимому, они приближались, гуденье становилось громче и отчетливее. Через некоторое время из-за соседнего дома показался кортеж легковых машин, из открытых задних окон на длинных шестах развевались черно-оранжевые флаги Донецкого футбольного клуба «Шахтер»; антенны и колеса были увязаны ленточками и флажками таких же цветов. Торжественной колонной они выкатились со двора на улицу, сотрясая воздух над дремлющими домами. Из соседних окон на шум стали выглядывать люди, некоторые с восторгом махали в ответ; самый активный, лысый мужичок, стал выкрикивать: «Шахтер, Шахтер!», его поддержали еще пара человек. Наконец машины скрылись, но люди еще оставались на балконах, словно ожидая продолжения. Прошло еще несколько минут, восстановилась первоначальная тишина, и в окнах один за другим стал гаснуть

свет. Только лысый мужичок не унимался; к нему вышла женщина в желтом махровом халате, по-видимому, его жена, пару минут он ей что-то радостно рассказывал, импульсивно махал руками. Она недолго постояла и ушла, а тот достал пачку сигарет и закурил. Катя повернулась ко мне:

– А ты смотришь футбол?

– О, да! – начал я с наигранной важностью. – Сегодня была решающая игра с Киевской командой «Оболонь», я долго сомневался, идти к тебе на свидание или с пивком болеть у Димки за свою любимую команду «Шахтер». В конце концов, кинул жребий, удача оказалась на твоей стороне, и вот я здесь.

– Ах ты какой! – воскликнула она. Катины кулачки сжались у меня на груди.

Я прижал ее к себе и, не дав больше говорить, одарил длинным поцелуем. Ее теплые мягкие руки ослабли, обвили мою шею.

Вернувшись в кровать под одеяло, разлили оставшееся вино по бокалам.

– Скажи, почему вы с мужем расстались?

– Неинтересная история, но могу рассказать.

– Если хочешь. – Я не хотел настаивать, но интонацией дал понять об имеющемся у меня интересе.

– Мой муж увлекся мотокроссом, после работы и в выходные он гонял по треку в кутовой балке. Сначала это было просто хобби с друзьями. Думала, перегорит, но после уча-

ствия в городских соревнованиях началась подготовка к областным, потом к чемпионату страны, Европы. Планка постоянно поднималась выше. Задора у него было хоть отбавляй, но мне это было совсем не увлекательно, потому что вечерами я оставалась одна, совсем одна. Скандал за скандалом, сложный период у всех бывает, но нашлась та, которая не докучала домашними проблемами, а полностью разделяла занятие гонками – она в них тоже участвовала. С этого момента наши отношения дали трещину, мы перестали друг к другу тянуться, а со временем стали совсем безразличны.

– Понятно, – коротко и по возможности нейтрально сказал я.

– Теперь моя очередь вопрос задать.

– Давай.

– Почему у нас не получились отношения восемь лет назад? Ведь мы встречались почти месяц, а ты меня ни разу не поцеловал.

– Не мог я целовать, ты же была совсем маленькой; разница в три года тогда казалась мне пропастью.

– А сейчас не кажется?

– Нет, конечно. И к тому же ты была моей первой любовью, я попросту не мог справиться с сильными чувствами и страхом все испортить.

– Тогда почему ты исчез?

– Потому что увидел, как ты проявила интерес к другому.

– И для тебя этого достаточно?! А бороться за даму, в ко-

тору ю влюблен, духу не хватило?

– Хватило! Но мне показалось, ты сама хотела быть с ним. Мне так не нужно.

– Гордый дурачок. Это был спор, детский спор с моей подружкой: кто из нас пройдет с лучшим парнем нашего класса под ручку. И больше ничего.

– Не важно. Это уже в прошлом. – Мне не хотелось вспоминать этот момент.

– Важно! Все могло быть по-другому.

За разговором незаметно минул второй час ночи; и мы, заключив друг друга в нежные объятия, скоро уснули.

VII

Утреннее солнце нехотя выползло из-за крыши соседнего дома, наполняя комнату холодным рассеянным светом. Катя еще спала, лежа на животе и мило обнимая подушку, словно добрая хозяйка свою любимую собаку. Я приподнялся на локти и посмотрел на нее. Из-под одеяла выглядывала Катина бархатная пяточка. Коснувшись ее пальцами, я обвел по дуге выпуклый островок лодыжки, дотянулся и нежно сжал мизинчик. Кожа ноги была приятной на ощупь, мягкой и теплой. Не отрываясь от нее подушечками своих пальцев, я провел по подъему ступни, икрам и уже полной горячей ладонью медленно скользил выше по ноге, пояснице, лопаткам; обласкав женственное плечико и тонкую шею, моя рука опустилась обратно вниз вдоль позвоночника, остановив-

шись на подъеме упругой попки. Катя глубоко вздохнула и открыла глаза.

– Как приятно!

– Доброе утро, милая, на работу не опоздаешь?

– Нет, у меня сегодня выходной, у начальницы отпросилась. Сюрприз?

– Значит, у нас сегодня вагон времени, – предположил я.

– Ты останешься сегодня со мной? – Катя с неподдельной пытливостью посмотрела мне в глаза, как будто верила, что я могу отказать ей.

– Конечно. Можно придумать что-нибудь интересное, например, съездить в Святогорск.

– Классно, давно там не была! Только давай еще повалеемся, несколько минут, я так люблю выходные, а они так редко бывают.

Оставив подушку, Катя тесно прижалась ко мне, через минуту ее дыхание стало ровным, глубоким, и я почувствовал, как она вновь задремала. Мне же не спалось, вспомнилась Таня совсем юной и безмятежной, наше совместное путешествие к морю, мои бесконечные придирки к ее излишней щепетильности. Я ощутил, что скучаю по ней, по ее живому взгляду, бесконечному тарыхтению о совсем неважных событиях. Но одновременно я с ужасом осознавал, что лишен сил отпустить от себя девушку, о которой до слез мечтал, которую безнадежно ждал, желал больше всего на свете, и теперь сама судьба столкнула нас. Я запутывался в себе, в сво-

их чувствах, не мог разобраться: как можно любить двоих одновременно и не представлять своей жизни без них обеих.

«Еще день-два — и все само решится», — успокаивал я себя. Во дворе вдруг тревожно залаяла собака, затихающим эхом лай заполнил двор и вскоре умолк. «Все само решится».

Скатившееся с зенита краснеющее солнце слепило из-под защитных козырьков и мешало смотреть на дорогу. Мы свернули с трассы. Скоро по обеим сторонам дороги длинной вереницей потянулись санатории и пансионаты, в машину просочился душистый запах хвои.

Святогорск. На перекрестке вправо дорога уходила к мосту через Северский Донец, к подножию горы, на меловых склонах которой собором Успения Пресвятой Богородицы и четырьмя церквями расположилась Свято-Успенская лавра. Если ехать влево, то через пятьсот метров будет площадь и городская почта, а за ней начинается обширная территория, утыканная многочисленными детскими оздоровительными лагерями.

Мы последовали прямо, оставив за спиной золотые купола колоколен, выехали на грунтовую дорогу, по которой миновали пустые песчаные пляжи, обогнули вековые дубы и выехали на поляну с плотной стеной белых берез и пологим спуском к реке. Оставив здесь машину, медленной отдыхающей поступью мы пошли по тропинке вглубь смешанно-

го леса; молчали, прислушиваясь к перестуку дятлов и шуршанию в кустах невидимых с первого взгляда ежей, вспоминали названия деревьев, встречающихся нам на пути. Когда мы вернулись на поляну, небо стало сереть. Я развел костер, подвинул к нему валяющееся в стороне сосновое бревно и, уместившись на него с Катей, открыл термос с чаем, заготовленный нами еще дома. Напротив, через реку, стояла частная дача. С ее стороны доносились звуки музыки, и было видно, как на открытой площадке танцевало несколько пар.

– Ты был здесь раньше?

– Как-то летом, когда у меня еще был старенький москвич, я приезжал с Димой и Юлей, они тогда еще не были женаты. Мы установили палатку здесь рядом, на холмике, и костер для каши примерно в этом же месте. Тут раньше была тарзанка, палка, привязанная длиннющей веревкой к огромному тополю, — вон он, обгоревший, это в него молния попала, и мы прыгали в воду, соревнуясь, кто дальше. Это продолжалось, пока Дима не сорвался с нее и не упал спиной на мелководе у берега. Все обошлось, но мы перестали дурачиться и ограничились игрой в карты.

– По твоим рассказам, Дима постоянно попадает в комичные истории.

– Не без этого, но он хороший друг. Помню, он играл на гитаре романсы, пока мы не уснули, а потом до утра подпыхивал дровами костер. На следующий день хлынул ливень, мы сидели в палатке, а он в одних плавках бегал собирать

вещи.

– А ты, что же отсиживался? – удивилась Катя.

– А я замерз.

– Ах ты, неженка моя! – Катя взяла меня под руку и сильнее прижалась ко мне.

Незаметно стемнело, в костре перегорели все наготовленные мной ветки. В угли мы зарыли картошку и стали печь на палочках хлеб. С той стороны реки раздался хлопок: что-то невидимое быстро взвилось ввысь, оставляя за собой еле заметный след из тусклых искр; вспышка салюта с грохотом озарила ярко-красным заревом полнеба. Люди на даче столпились у края танцевальной площадки, провожая взглядами медленно падающие огни. После короткой паузы раздалась канонада выстрелов, длинные пальцы огромной огненной руки потянулись вверх, наполняя воздух миллионами брызг света; с раскатами грома в черном небе один за другим взрывались разноцветные шары. Они угрожающе нависали над нашими головами, словно могли коснуться нас, а затем таяли, не оставляя и следа. Одна из выстрелянных ракет, на взлете зацепившись за ветку тополя, упала на берег и, взорвавшись, усыпала все близрастущие кусты горящими гирляндами. Толпа ликовала, вдруг из нее выделился человек, быстро спустился к кустам и стал топтать тлеющие остатки ракеты. Женщины охали, кричали что-то на счет дорогого костюма, а мужчины, наоборот, подбадривали и одаривали тушившего советами. С последним выстрелом в небо под-

нялись два желтых огонька; закручиваясь по спирали один вокруг другого, они быстро взлетели. – Как мы с тобой, – неожиданно сказала Катя. Огоньки, описав короткую дугу, плавно спустились до самой реки и, едва коснувшись холодной глади воды, так же вместе погасли. Порыв ветра шевельнул кленовые ветки, осыпав нас с головы до ног сухими крылатками. Я встал, открыл дверь машины и повлек Катю за собой на заднее сиденье.

– А картошка? – вспомнила Катя. – Она же сгорит!

– Черт с ней, с картошкой. Иди ко мне.

– Сумасшедший!

– Здесь никого нет. Только ты и я...

VIII

На лестничной площадке, перед дверью своей квартиры, совсем растерянный я попытался найти ключ. Но его, как в землю провалившегося, не было ни в карманах, ни в барсетке с документами. Я, было, совсем отчаялся, но, заметив его солнечный отблеск на полу (видимо, сам только что обронил), вздохнул с облегчением, щелкнул им в замке и вошел. На вешалке висели вещи Тани, неожиданно скоро вернувшейся из Италии. Я быстро скинул куртку, туфли и прошел в квартиру: в кухне на столе стояли различные сувениры, в зале я увидел знакомые чемоданы, которые отвозил месяц назад на вокзал, на кресле лежала моя новая футболка с чешским флагом, но Тани нигде не было. «Может быть, она вышла ку-

да-нибудь», – думал я.

Я нашел ее в спальне, сидевшую на краешке кровати, неподвижную и безмолвную; она будто пряталась от кого-то и, закрыв лицо руками, тихо всхлипывала.

– Что случилось? – начал беспокоиться я. Раздвинув шторы, чтобы стало светлей, сел рядом с ней, но она отпрянула от меня.

– Не прикасайся ко мне! Я все знаю, – сквозь слезы вымолвила она, дрожа всем телом, как в лихорадке.

Что-то тяжелое оборвалось в моей груди и огромным комом отчаяния сдавило в горле. Как она узнала о Кате – уже не имело сейчас никакого значения. Между тоненькими белыми пальцами Таниных рук просочилась и упала на пол капелька слезы; разбившись о паркет, она разбивала последние мои надежды на возможное прощение. Мне хотелось обнять Таню, но руки онемели; встать перед ней на колени и соврать, что никаких встреч не было, но горло пересохло, и язык не слушался меня.

– Что же ты наделал?! – Таня медленно встала и вышла из комнаты.

Я вдруг осознал, что больше никогда ее не увижу; хотел вскочить и догнать ее, но ноги не слушались, и слова, которые могли бы остановить ее, не приходили на ум. Стало ужасно больно, горько на душе.

«Это все...» – с ужасом подумал я и проснулся.

Сон преследовал меня все утро, и я не мог сосредоточиться на работе. Бегло проверив немецкий перевод для Мамонтова, я сохранил документ в PDF-формате и отправил его по электронной почте.

«На сегодня работать хватит», – решил я.

Часы обозначили час дня, когда я, закрыв свою конторку, пошел развезаться и заодно зайти в гости на работу к Диме.

Боксы располагались на территории бывшего военного городка, который с расформированием летной части передали в аренду частным предпринимателям. Я прошел мимо шлагбаума со сторожкой, и направился к главной конторе, где работал Дима. Посетителей не было, торговый зал был просторен и светел от горящих ламп дневного света, в стеклянных шкафах были выставлены различные виды сигнализаций, центральных замков, парковочных датчиков, а на огромном сером стенде светились врезанные в него музыкальные центры. С краю стоял большой стол с двумя компьютерными мониторами, за которым сидел Дима и что-то набирал на клавиатуре.

– Какими судьбами?! – приветствовал меня он, как будто мы не виделись год. — Кофе будешь? — И не дожидаясь моего ответа, он включил электрочайник. — Ты вовремя пришел.

Сейчас я буду заказывать лобовое стекло на «Фольксваген Пассат».

– И что? – безразлично отозвался я.

– Не торопись, мой малахольный друг. Там девушка на за-
казах, Людмила, голос потрясающий: бархатный, с грубовата-
тыми низкими нотками, а говорит, будто соблазняет. Звоню
всегда с огромным удовольствием, разговариваем о всяком
разном; недавно узнал, что она блондинка с зелеными глаза-
ми. Как тебе?

– Никак, – все так же безразлично ответил я. – Твое опи-
сание ни о чем еще не говорит, а пытаться представить че-
ловека по голосу — слишком неопределенно, все равно что
марку автомобиля по сигналу клаксона. О встрече еще не
договорился, случайно?

– Нет, конечно, – разливая по чашкам кофе, возразил Ди-
ма, – я безнадежно женат, тем более она в Днепропетровске,
ехать далеко, а вдруг она действительно страшенькая?

– Так зачем тебе эти разговоры? – удивился я.

– Не забывай, я звоню по делу, а во-вторых, такой голос
слушать — сплошное удовольствие; зачем себе отказывать в
безобидном флирте? Хочешь, ты набери, получишь эстети-
ческое удовольствие. Небось, скучаешь по общению с жен-
щинами.

– Не хочу ерундой заниматься. Мне понаблюдать за тобой,
счастливого, удовольствия хватит.

– Ну и зря, дурачок.

На слове «дурачок» он, специально кривляясь в мою сто-
рону, растянул губы в трубочку. Схватился за телефон, на-
брал по памяти номер и стал ждать. Когда в трубке ответили,

на его лице расплылась счастливая улыбка, глазки заблестели. Он откинулся на спинку кресла и закинул свободную от телефона руку за голову:

– Людмила, добрый день, — начал он, насыщая вкрадчивый мягкий голос басовыми нотами. – Да-да, это Дмитрий, снова я вас беспокою. Как поживаете? Отлично! Я тоже хорошо, вашими молитвами... – Он быстро взглянул на меня, указательным пальцем показал на трубку, предлагая мне подслушать. Отрицательно покачав головой, я снова отказался, а Дима продолжил: – Хотел бы заказать стеклышко лобовое на «Фольксваген Пасс-аа-о-аатс-с!..»

В этот момент он потянулся за чашкой кофе, но, когда взял ее и решил облокотиться на подлокотник кресла — промахнулся и перелил горячую жидкость себе на брюки. От такого неожиданного поворота событий слово «Пассат» превратилось во что-то протяжно-стонущее, наполненное дополнительными звуками, искажившими его до чего-то зловещего. И можно было подумать, что произносивший все это хочет кого-то съесть или, по крайней мере, напугать.

Сообразив, что в трубке его внимательно продолжают слушать, Дима без промедления ее отключил, упал лбом на стол и стал безудержно хохотать. Если сказать, что мы не могли успокоиться минут пятнадцать, — значит, ничего не сказать.

– Поздравляю, сударь, вы потерпели афронт! – смахивая со своей щеки слезу, воскликнул я.

– Надо же, какая досада!

Дима развел руками, но, несмотря на свой конфуз перед невидимой дамой с волнующим голосом, заказывать стекло все-таки было нужно. Он набрал снова, перед Людмилой оправдался, будто это его коллега, проходя мимо, перелил на него чай, и успешно сделал заказ.

Катя, скорее всего, уже была дома, и я решил зайти к ней без лишнего звонка по телефону; сел в автобус и утонул в глубоких размышлениях. На следующей остановке вошли три подпитых студента и уселись на широкое сидение прямо за мной. Они громко разговаривали, будто делая вызов всем присутствующим, и смеялись со всего, что, по их мнению, должно быть обсмеянным. В конце концов, обратив внимание на сидевшую напротив них девушку, примерно их же лет, один из них, долговязый с узенькими черными глазками, стал с ней знакомиться. Девушка не отвечала и смотрела в окно, тогда «герой-любовник» стал обсуждать ее внешность, находя это весьма остроумным, а двое его друзей выдавливали дурацкий смех. Остальные же пассажиры молчали и, потупив взгляды в окна, отстранились от какого-либо вмешательства. Меня подмывало от злости, ехать, как все, я посчитал трусостью; повернувшись к долговязому, я посмотрел на него. Никто из веселой тройки сначала не обратил на меня никакого внимания, издевательства продолжались, и я наступил ему на ногу.

– Иди, гуляй! – резко сказал я долговязому, когда тот по-

смотрел на меня.

Его лицо вытянулось в озлобленную, удивленную гримасу, глаза стали круглыми, как пивные крышки; он начал быстро соображать, что со мной может сделать, а его товарищи, наблюдая за нами, пустились в смех еще больше.

– А ты вообще сиди молча, мелкий! – выдавил он. Хотел что-то добавить, но я прервал его: – То, что ты длинный, я и так вижу, не стоит лишний раз сообщать всем о своих недостатках.

Я встал с сиденья на случай того, если он решит ударить меня, взялся за поручень и сделал безразличное выражение лица, разглядывая пробегающие за окном деревья.

– Да я тебя! – вскакивая, закричал долговязый. – Сейчас мы выйдем, и ты отхватишь!

Один из его друзей схватил его за руки и стал усаживать обратно, а второй заливался в смехе. Коротко обернувшись, я заметил, что девушка уже вышла на одной из остановок, следующая была моя. Я молчал, а долговязый продолжал угрожать, намеревался встать, чтобы выйти вместе со мной; в итоге я вышел один. Мне стало искренне радостно, что я не промолчал в автобусе, хотя мой поступок не оградил никого от неприятностей, не наказал сквернословца; и я раздумывал, покажется ли хвастовством, если я расскажу об этом Кате.

– Привет, заходи. А у меня гости.

Катя была в приподнятом настроении; закрыв за мной

дверь, она пошла в кухню. Там было накурено, за столом за чашечкой кофе сидел худощавый молодой человек двадцати лет. Его костюмные брюки молочного цвета и черная как уголь рубашка были безукоризненно наглажены и точно подогнаны по размеру, камушки запонок на рукавах соответствовали цвету его голубых глаз, а черные волосы тщательно уложены гелем.

– Владимир, – представился он.

Я сухо поприветствовал его в ответ и уселся напротив. На столе стояла пепельница с окурком сигары. Видимо, это он курил.

Гость держался вольготно, постукивал по столу пальцами с аккуратно подпиленными и покрытыми бесцветным лаком ногтями, и чувствовалось, что он весьма уместно здесь себя находил. Катя сделала мне чай, села между нами и продолжила разговор, который был у них до моего прихода:

– Как Валентина Николаевна поживает?

– Все хорошо, также преподает, сейчас в комиссии по выборам. Пашка женился на прошлой неделе.

– А ты когда собираешься?

– Вот когда ты примешь мое предложение, так сразу в ЗАГС.

Он разулыбался и кратко глянул на мою реакцию. Я постарался сделать вид, что мне не интересна эта тема, но на самом деле я закипал и, учитывая мое заведенное состояние автобусной историей, с удовольствием «начистил» бы ему

лицо прямо здесь.

– Ладно, уже пойду, пора.

Он пожал мне руку, снял со спинки стула пиджак такого же молочного цвета, как брюки, и вышел в коридор. Дверь хлопнула, и Катя вернулась ко мне.

– Ты чего такой мрачный? – заметила она мое сменившееся настроение. – Я тебя не спросила, может быть, ты есть хочешь? Я борщ сварила.

– Не хочу я борща.

– Как знаешь, – пожала она плечами.

– Это, что за Аль Капоне?! Сигара! Ногти! – Несмотря на мою заметную раздражительность, вопрос рассмешил Катю.

– Аль Капоне маленький, толстенький, в шляпе. Вова совсем на него не похож. Он работает крупье в казино, поэтому должен выглядеть безукоризненно, в том числе и руки.

– Да, шляпы ему точно не хватает! – начал ерничать я, и мой голос стал невольно повышаться в тоне.

– Перестань, я училась с ним в одной школе, – стала оправдываться она, — его мама преподавала украинский язык в моем классе.

– Мама – мамой, а он что у тебя здесь забыл?

– Зашел в гости, это мой дом — кого хочу, того принимаю.

Ты чего завелся, в ревность решил поиграть?

– И часто он к тебе заходит? – не успокаивался я.

– Сейчас нет, раньше, бывало, заходил. Конечно, пробовал ухаживать. – Катя сделала паузу, как будто обдумывая,

говорить мне что-то или нет. – Я же женщина и не могу долго быть одной, хочется внимания. Рядом всегда должен быть мужчина, пока не появится тот, который нужен.

Последние слова просто ошеломили меня, на ум поползли плохие мысли, и я уже не мог остановиться:

– Бывало, заходил! Понятно! Я у тебя тоже вариант «пока не появился нужный»?!

– Ты не забывайся, что женат, и не надо делать из меня девку легкого поведения!

– Женат! Спасибо, что напомнила, а то я действительно забыл. Своими поступками ты из себя сама делаешь... ту!.. – Я осекся.

– Я свободная женщина! Вправе делать то, что считаю нужным лично для себя!

Последние мои слова получились особенно грубыми. Катя резко встала из-за стола, повернулась к окну так, что я оказался за ее спиной.

– Разговор окончен! Уходи!

Я резко встал, без промедления обулся и звонко щелкнул замком. Выйдя из квартиры, я спустился вниз по лестнице и в негодовании ударом плечом в дверь подъезда чуть не сорвал ее с петель. Мои выстроенные идеалы рушились, на ум приходили гадкие мысли о Кате, и я не в силах был прогнать их.

«Как я мог так ошибиться?! Я всего лишь «пока не появился нужный»?! Казалось, ясно видел, как радовались мо-

ему приходу ее уголочки глаз, как краснели ее щечки, когда я дотрагивался к ним поцелуями, и как дрожали ее руки, когда увлекал в свои горячие объятия. Разве можно это сыграть или одинаково чувствовать ко всякому, сухо отыскивая среди бесконечной череды поклонников «подходящего»?»

В магазинчике у площади я набрал пиво, отключил свой мобильный телефон (никого не хотелось слышать) и отправился домой.

IX

Всю неделю я не мог найти себе места. Работы не было, кроме почти завершенного английского перевода Мамонтову, поэтому я редко появлялся в конторке. Пару раз звонил Дима, но я, ссылаясь на выдуманные неотложные важные дела, отказывал приглашениям в гости, предпочитал оставаться в гордом одиночестве. Пытаясь перешагнуть мысли о Кате и начать новую, а вернее продолжить свою прошлую жизнь, и уверяя самого себя, что все к лучшему, стал мысленно готовить себя к приезду Тани. Но куда бы я себя не ссылал: то на шумные вечерние улицы, то в безмолвные прозябшие аллеи парка – всюду в лицах встречающихся мне девушек мерещились черты Кати. Я стал останавливаться, вглядываясь в спины прохожих, окликать ее именем тех, кто явно не мог ею быть, и все это стало казаться сумасшествием. Я то презирал Катю, обрисовывая в самых скверных красках ее образ

жизни, то, понимая, что все это лишь плод моего воображения, оправдывал ее и винил во всем себя; и сердце щемило, а глаза мои никого не желали видеть, кроме нее, только я не мог в этом себе признаться.

Выбивая молотками старую оконную раму, в кухне дедушкиной квартиры тарабанили мастера. В зале же, греясь у масляного обогревателя, мы с дедом расположились за перенесенным сюда кухонным столом. Дед отдыхал в своем любимом кресле и задумчиво смотрел в окно, за которым рос огромный орех. Я же, разлив по чашкам ему и себе чай, уселся на диванчик и по привычке стал ждать первый вопрос от деда.

– Как живешь? Давно не виделась, – начал он.

– Моя жизнь — сплошной салют: то вверх со вспышкой, то вниз потухшим огарком, то в реку — не разгоревшись и пропав. – Я постарался выразиться витиевато, с оттенком прожитого важного для меня жизненного этапа, и, честно говоря, мне самому понравился мой ответ.

Но дедушка лишь чуть улыбнулся мне:

– Ты чем-то расстроен.

– Да, расстроен, точнее, сильно разочарован: дважды ошибся в одном человеке.

– Ты уверен, что именно ты ошибся, а не наоборот?

Этот вопрос стал неожиданным и не совсем понятным мне, и я сразу постарался объяснить:

– Для меня человек был больше, чем весь остальной мир,

я же для него – совсем нет.

– А он знает о твоих чувствах, о чувствах, о которых ты так смело заявляешь?

Я вопросительно посмотрел на деда. На мгновение мне показалось, что он шутит, но спокойствие в серых глазах сразу отбросило эту мысль. Я тоже посмотрел на орех, на его крупные еще зеленые листья, как будто в них были ответы на все вопросы. Дедушка продолжил:

– Ты мог не придавать значения тому, что человек ждет от тебя нечто большего, чем просто твое присутствие рядом с ним. Это большее может заключаться в одном слове, в одном признании. Когда человек тебе дорог, откинув неуместные стеснения, скажи ему об этом. Если все-таки человек отталкивает тебя, надо его простить, ведь прощать могут только сильные люди, простить и уйти. Тогда ты не повторишь этой ошибки в будущем.

Слова деда перевернули все мои мысли верх тормашками.

«Я же никогда не говорил Кате, что люблю ее, ни при встречах в юности, ни теперь».

Я вдруг ощутил огромную пропасть недосказанности между нами и вину перед ней, собой, нашими чувствами. Мастера еще задували щели монтажной пеной, я же не мог уже усидеть на месте. Дед, видя мое волнение, отпустил, а точнее, подтолкнул меня:

– Иди. Они почти закончили. Все будет хорошо.

Бежать за машиной для меня сейчас было слишком долго, я поймал такси, но сердце хотело выпрыгнуть из груди и бежать еще быстрее.

«Сегодня будет все решено. Я загляну в грустные спокойные глаза, признаюсь, как долгие свои юные дни и ночи думал только о ней, с трепетом ждал каждую новую встречу, как обдумывал, подбирая слова, и каждый раз не мог их произнести, потому что мои чувства были сильнее любых слов всех языков мира. И когда она ответит мне взаимностью — мы будем вместе навсегда. Я все смогу объяснить Тане, потому что эти чувства нельзя не понять, нельзя в них упрекнуть, она умница, она все поймет и отпустит, простит и отпустит!»

Вот ее подъезд. Словно одержимый, я взлетел по лестнице.

«Прямо сейчас решится все! Я смогу... не могу не сказать, ведь я этого так долго ждал!»

На площадке перед дверью я замер, подождал несколько секунд, глубоко вдохнул и позвонил. В это время Катя куда-то собиралась уходить, практически была собрана для выхода и попросила меня спуститься подождать ее во дворе. Томясь в ожидании и не находя себе места, я взглянул на небо. Слабое солнце перевалившей за половину осени пряталось за многочисленные ватные облачка, роняя под ноги последние приятно теплые лучи. И вот она вышла — в коротеньком желтом пальто, сапожках из темно-коричневой ко-

жи и таких же цветом перчатках, в ее лице не было ни тени упрека, ни жажды объяснений и извинений от меня, как будто она знала все, что я хочу ей сказать, чувствовала, и это рождало во мне твердую решимость. Мимо нее прошел мужик с агрессивной зрелой немецкой овчаркой. Катя поздоровалась с хозяином и направилась ко мне.

– Пошел скотина, пошел домой! – нервно повторял мужик, дергая собаку за поводок, пес же сопротивлялся и рычал.

Неожиданно для всех он сильно крутнулся вокруг своей оси, и мужик упустил поводок из рук. В два прыжка пес догнал Катю и схватил ее за ногу чуть ниже колена; она вскрикнула и упала вперед. Я остолбенел.

– Фу-у-у! Бро-о-ось! – орал мужик, схватившись за ошейник и пытаясь оттянуть зверя в сторону. Через мгновение я подскочил к ним и со всей силы ударил пса кулаком в нос. Тот ослабил свою хватку, и мужику удалось оттащить пса в подъезд, подняв за ошейник на уровень своей груди.

Я подхватил Катю на руки и положил на свои колени. Из раны обильно лила кровь, я скинул с себя шарф и как можно туже перевязал рану; он тут же побагровел, кровь часто закапала на асфальт.

«Что делать?! Что делать?!»

– Я вызываю скорую! – крикнула женщина откуда-то сверху.

Из окон из-за шторок на нас вытаращилось десяток лю-

дей, но никто не вышел. Мы были одни посередине пустого старого двора, в луже крови. Я крепко прижал Катю к себе. Она была в сознании, закрыв глаза и тяжело дыша, терпела боль.

Я сбежал вниз по больничной лестнице, перепрыгнул через крыльцо, сел в ждущее меня такси. Мысли прыгали, я совсем растерялся, неожиданно мне стало страшно. Добравшись до своей квартиры, не разуваясь, пробежался по комнатам, собрал деньги, все, которые у меня были, и выбежал снова к такси. Вернувшись в больницу, в коридоре я наткнулся на медсестру, которую приставили к Кате, и отдал ей пакет с необходимыми лекарствами.

– Ее можно увидеть?

– На сегодня и завтра не рассчитывайте. Вещи привезите: халат, тапочки, личные вещи, – сухо добавила она.

Вечер, шел девятый час, больницу уже закрывали, и меня попросили уйти. Подождав пару минут, я спустился со ступенек и оглянулся — в палатах тушили свет, только в коридорах горели ночные лампы. Нестерпимо хотелось чем-то помочь Кате, но как, не приходило в голову.

«Наверняка ей вкололи обезболивающее, и она уже спит», – думал я. Чувства боролись с разумом. Ничего не поделать, надо ждать завтрашнего дня, и только с утра можно было что-нибудь предпринимать. Такси я не взял, пошел

пешком; стало зябко, и я поднял воротник куртки. «Почему врач сказал только через два дня? Неужели все так серьезно? – самые разные предположения полезли в голову. – Нет, это недоразумение. Врачи перестраховались, у нас это всюду: к серьезным вещам мы относимся слишком легкомысленно, а к мелочам придираемся. Это врачи — им положено перестраховываться. Или мест не было в обычном стационаре, и ее поместили к тяжелым? Немудрено, сейчас сыро и холодно — людей болеет масса. Народ пошел непрочный!»

Опустился густой туман. Моего дома почти не было видно, и горящие квадратиками окна, словно китайские фонарики, были развешаны кем-то на ветках невидимого дерева. Почти на ощупь нашел дверь в подъезд, поднялся, зашел в квартиру. Сильная усталость вдруг навалилась на мои плечи. Я медленно разулся и лицом вниз упал на кровать.

«Что же я наделал?! Зачем я зашел сегодня к ней?! Зачем?!»

Х

В больнице, после утреннего обхода дежурным врачом, мне удалось упросить молодую медсестричку пустить меня к Кате. Я накинул белый больничный халат, обул на туфли безразмерные тапки грязно-зеленого цвета и, пройдя по пустому, пропахшему лекарствами коридору, нырнул в нужную палату.

Катя была одна. Взглянув на меня, она слабо улыбнулась, ее бледно-серое лицо с темными кругами под глазами выдавало усталость от бессонницы. Я сел рядом на пустую кровать и дотронулся до ее руки.

– Привет. Держишься?

– Держусь. Куда деваться?

– Что врач сказал, когда выпишет?

– Побуду пару дней, а там посмотрим.

– Тебе нужно что-нибудь?

– Да. Зайди к моей соседке, оставь ключ от квартиры, мои сегодня-завтра должны вернуться от папы. – Катин слабый голос неестественно тихо слетал с побледневших губ, и я решил не мучить ее расспросами. Сказать хотелось так много, что у меня перехватывало дыхание, но волновать Катю я не смел. Мы молча смотрели друг на друга, и так можно было молчать бесконечно. Незаметно пролетели отведенные мне на посещение тридцать минут, и медсестра тихо позвала меня на выход.

– Завтра обязательно приду, – шепнул я, поцеловал Катю в лоб и ушел.

Отдав ключ соседке, я написал объяснительную записку Катиной маме, вложил ее в щель двери и спустился во двор. На ступеньках я замешкался, как будто меня что-то задерживало, оглянулся вокруг и увидел, как из-за угла появился хозяин той самой собаки. Он, не замечая меня, шел к две-

ри подъезда, в правой руке держал авоську с продуктами, а левой уже звенел в кармане ключами. Мужик был астенического телосложения, лет сорока пяти, седой, выше меня на голову. Я не сдвинулся с места, и он, почти уткнувшись в меня плечом, вытаращил свои маленькие бесцветные глаза, сделал шаг назад и прикрикнул в мой адрес: «Чего уставился?!»

Боковой удар пришелся ему в правую бровь около виска, он обмяк на ногах и медленно, издав глухой шелестящий звук, рухнул на асфальт. Я подскочил к нему и ударил ногой в живот, мужик свернулся калачом, издав отрывистый хриплый стон.

– Скотина! – вырвалось у меня неестественно сипло и тихо. Окончательно потеряв самообладание, я нанес ему очередной удар ногой, который угодил ему в подбородок. Мужик, кажется, лишился сознания и больше не шевелился.

– Что это такое делается?! – закричала проходившая неподалеку женщина средних лет. – Что делается?! – голосила она снова и снова, привлекая все больше внимание окружающих.

Полминуты я стоял без движения, не зная, что делать, затем развернулся и пошел в сторону улицы. За спиной слышались беготня и крики: к бабе присоединился еще кто-то, но я не стал оборачиваться, чтобы посмотреть.

– Подонок! – донесся мне в спину уже мужской голос.

Возле проезжей части воздух казался прохладней, дрожа-

щие руки я сунул в карманы куртки и сжал кулаки. Стараясь перебороть волнение, я вспомнил вчерашний страшный день и Катю, меня затрясло еще больше. С силой я сдерживал шаг, чтобы ни начать бежать, вышел на центральную улицу и пошел вдоль по ней.

«Подальше уйти отсюда», – соображал я, остановившись у перекрестка.

Холодный ветер задувал за пазуху, я застегнул куртку повыше; на загоревшийся для меня зеленый поспешно перешел дорогу. Вдруг я заметил, что постоянно оборачиваюсь — жуткий страх преследования охватил меня. Куртка почти не пропускала воздух, и мне стало жарко.

Вытянув руки из карманов, я прошел несколько метров, на ходу расстегнул молнию пониже и опустил воротник. Пронзительно холодный ветер с каплями морозящего дождя тут же ворвался под мою одежду, я моментально замерз и снова задрал воротник вверх. Недалеко от моста на остановке стояло несколько человек; я встал в стороне, ожидая автобус или какую-нибудь маршрутку, лишь бы куда. Красная жигули пятой модели с милицейскими знаками на дверях остановилась около меня:

– Молодой человек! – послышалось в мой адрес. – Ваши документы...

В камере предварительного заключения, в этой бетонной дыре три на три метра, грязной, с дурным запахом, время

тянулось очень долго. Весь день я просидел один на длинной лаве под окном с двойной решеткой без стекол. «Ситуация вышла из-под моего контроля, и теперь я здесь, в этом омерзительном месте, не зная, что будет со мной дальше: суд? срок? если да, то какой? Нет возможности увидеться с Катей... как она там? нужна ли ей помощь? Я все испортил! Что я скажу Тане?» – каждый последующий вопрос, задаваемый себе, делал ситуацию все безрадостней.

За дверью слышались шаги, голос караульного, лязганье засова. В камеру вошел черноволосый человек моего роста и лет; его глубоко посаженные темно-карие глаза быстро осмотрели камеру, на мгновение остановились взглядом на мне:

– Приветствую, зема, – неторопливо протянул басовитый голос.

– Здравствуй, – сипло выдавил я.

Он прошелся по камере, сел на лаву не далеко, не близко от меня.

– Сергей, – представляясь, кинул мне мой сокамерник. Я также представился, быстро кивнул ему и постарался отстраниться от какого-либо продолжения диалога. – Значит, теска! – обрадовался он, при этом его вытянутое смуглое лицо стало еще вытянутей, из тонких губ обозначилась ухмылка на левую сторону. – А я только месяц как откинулся, и опять жизни не дают! В 2001-м, летом, нес кабель сдавать на приемку металлов, нашел в канаве и решил заработать немнож-

ко, а они, – он показал пальцем в сторону закрытой двери, – припаяли мне за демонтаж высоковольтной линии три года! Вот и сейчас в моем районе сняли провода, а меня под подозрение.

Лицо гостя приняло обиженный вид, и нижняя губа вытянулась далеко вперед. Я же молчал, не поддерживая разговор, но и не перебивая его. Ему же была охота поболтать, пожаловаться на судьбу, и он спросил:

– А ты не по металлу попал?

– Дал одному по физиономии.

– Сильно дал?

– Не знаю, наверное. – Я вспомнил, как стонущий хозяин собаки лежал на асфальте, опирался на свои руки со вздувшимися от возраста венами, пытаюсь встать. Я вспомнил своего деда, его руки, и, к своему ужасу, мне стало жаль мужика.

«Почему я все время сомневаюсь?! – разозлился я на себя. – Разве он не виноват во всем, что случилось с Катей?! Ему еще мало от меня досталось!»

– Если ты не перестарался, – продолжал рассуждать мой сокамерник, – штрафом обойдется, а если что не так срастется, от пяти до семи; я эти расчеты выучил хорошо.

Он цокнул языком, деловито глянул на меня и потер колени ладонями, согревая их. Стало заметно холодать, стемнело, и в камере включили свет. Я поджал колени к груди и прислонился к стене, надеясь в таком положении сохранить в себе больше тепла и по возможности подремать. Сокамер-

ник, наоборот, встал, прошелся несколько раз взад-вперед от двери к окну и продолжил рассказ о своей «очень занимательной» жизни.

– Со мной сидел один хороший парнишка, Леха его звали. Как-то он напился до чертиков, зашел в бар, а ему за стойкой отказали налить и попросили уйти. Он обиделся до глубины души, затеял драку, выбил бармену два передних зуба. Меню приехали, а ему все нипочем, разошелся не на шутку: одному руку сломал, второму челюсть. Впаяли Лехе пять годков ни за что, ни про что! Вот такая у нас, хороших людей, судьба — горька на вкус.

– Обыкновенная судьба, – возразил я, поднял воротник повыше, спрятал в него нос и закрыл глаза, стараясь расслабиться.

«Вытянутое лицо» тоже уместилось на лаве и, к моему счастью, больше не доставало меня своими разговорами. Наступила ночь, камера настолько остыла, что выдыхаемый мной воздух курился из уст. Я дышал себе за пазуху, но это мало помогло. Вслед за ногами стали мерзнуть руки, спина, вскоре я весь продрог, и меня стало трусить. Даже мысли о чем-то хорошем не могли меня греть, так как произошло много чего плохого, что еще хуже – неопределенного, а выхода я нигде не видел, одни тупики. Усилившийся ветер раскачал уличный фонарь, под его скрип, как ни в чем не бывало, захрапел мой собеседник – «наверное, закаленный или сельский» – для меня же, мерзнувшего практически все-

гда, эти условия были невыносимы. Поэтому, когда в девять утра мне передали пакет от Димы с термосом горячего чая и пирогами с картошкой, я возвел своего друга до ранга ангела-хранителя.

«Вытянутому лицу» передали чай и сало с белым хлебом. Мы поделили еду на двоих и растянули ее до самого вечера. И вот фонарь снова закрипел под порывами ночного ветра, сокамерник храпел, а мне становилось еще хуже. Вся одежда на мне взмокла и была холодной, для ходьбы по камере силы уже было недостаточно, и я сидел, сжавшись на лаве, часто и с кашлем дышал за воротник, чувствуя, что мной овладевают болезнь и отчаяние.

Ближе к полудню третьего дня задержания меня вывели из камеры, дали подписать какие-то бумаги у дежурного. Задавать лишние вопросы не было ни желания, ни сил, рука не слушалась. Я что-то черкнул в журнале, забрал свои личные вещи и вышел на улицу. Возле своего шевроле меня ждал Димка. Глаза его были покрасневшими, уверен, что он также плохо спал, как и я, выглядел он уставшим и озабоченным. Как мы ехали домой, я не помню, точно знаю, что молчали.

Приняв горячий душ, на автомате добрался до кровати на пять минут передохнуть. Провалившись в бездну, я спал около шестнадцати часов и очнулся только к пяти утра следующего дня. В своей квартире я был один. Ехать в больницу было еще рано, самочувствие паршивое. Съев гору гренок, я выпил три пакета горячего колдрекса и стал ждать, когда

можно будет поехать к Кате.

XI

В регистратуре больницы мне сообщили, что Катя выписана домой. Я сбежал по холодным ступенькам крыльца, прыгнул в свой опель и полетел к ней.

«Значит, все хорошо! – кричали во мне мысли. – Все хорошо!»

Дверь открыл брат Кати, Стас, и без того худощавый, а в широкой футболке, одетой на выпуск поверх великоватых спортивных штанов, он выглядел еще хуже, чем был на самом деле.

Он поздоровался и впустил меня в квартиру, из кухни вышла их мама.

– Здравствуй, Сережа, – трагично вздохнула она и сразу дала указание сыну: – Накапай мне еще несколько капель. – Развернувшись, снова исчезла в кухне. Стас ушел за ней.

Я приоткрыл дверь и заглянул в комнату: Катя лежала на застланной кровати, укрытая пледом, и читала книжку. Окно было задернуто плотными шторами, в комнате было темно, на столике возле кровати горела лампа.

– Ну, что ты в коридоре мнешься? Заходи скорей, – тихо позвала она меня. – Рассказывай, где пропадал?

– Извини, очень хотел тебя увидеть, но не мог прийти, так сложились обстоятельства.

– Знаю я эти обстоятельства, наслышана! – Она обвинительно покачала головой, и мне стало ясно, что она знает и про драку у ее подъезда, и про мое задержание.

Я молчал, виновато опустил взгляд на пол, разрезанный на две половины тонкой полоской дневного света, тянувшейся от щели между шторами.

– Мама ходила к хозяину собаки, скандалила, он забрал свое заявление, и вот ты здесь, – объяснила Катя.

– Мама сильно переживает. Плохо выглядит, – заметил я, отводя разговор от своей персоны.

– С утра до вечера пьет валерьянку, накручивает себя, рыдает. Родители есть родители. – Катя пожала плечами и отложила сборник сочинений Лермонтова на тумбочку под лампу.

– Я не спросил, как твое здоровье? Врачи что говорят?

– Сделали несложную операцию, месяц нужно постараться меньше нагружать ногу, но ходить уже можно, только на костылях. Я ж не сказала тебе самого главного. – Ее глаза оживились, осматривая мое лицо. – Отца попросили остаться в Киеве на постоянную работу, он уже дал свое согласие и забирает нас к себе.

– Когда?

– Сегодня.

– Этого не может быть! Сегодня?

Месяц, неделю, да хотя бы пару дней, как угодно, но не сегодня! Этого я не мог ожидать. Мои мысли пустились вза-

пуски с чувствами.

– Как же мы?! – единственный вопрос, который я смог из себя выдать.

– Что «мы»? Ты сам знаешь, что так лучше для нас обоих. – Ее взгляд стал остр и холоден, а голос, лишенный всяких сентиментальностей, тверд. – О чем ты сейчас задумался? – продолжила она. – Пойми, я не могу все время ждать и думать, придешь ты сегодня или нет, придешь ли завтра, а когда приходишь — бояться услышать, что эта встреча последняя, бояться испортить тебе отношения с твоей женой. Я устала. Хочу начать все заново далеко отсюда. Новая работа, новый круг знакомых, новый дом. Хочу жить, любить, хочу семью, ребенка. Прятаться от посторонних взглядов – это не моя судьба.

– Ты так легко забудешь меня и начнешь все заново? Значит, все, что было между нами, ничего не значит для тебя? – срывающимся шепотом произнес я.

– Поверь, для меня это тяжелей, чем кажется, но так нужно, так правильно. Твое место в моей душе никто занять не сможет, оно твое навсегда. Я хочу быть свободной в чувствах, желаниях, но этого ты мне предложить не можешь.

– Ты права, – пробуя взять себя в руки, отрезал я. — Я хочу, чтобы у тебя все было хорошо, и у тебя все получится.

– Я знаю, ты говоришь сейчас от чистого сердца, спасибо тебе.

Мы замолчали. Смешанные чувства овладевали мной. Я

не мог сейчас встать на колени и, признавшись в любви, просить ее остаться со мной, так как был не свободен и для такого предложения не имел морального права. Я был уверен, что Катя уедет в любом случае, и самые важные слова, произнесенные сейчас, если даже и тронут ее сердце, поблекнут под тяжестью времени и сотнями километров, разделяющих нас. Оставался один шанс: сохранив остатки Катиных теплых чувств ко мне, разобраться в личных семейных делах с Таней, примчаться в Киев и объять Катю всей пылкостью безграничной любви, доказав серьезность и чистоту своих намерений быть с ней остаток своих дней. А пока наши отношения проваливались в бездну обстоятельств, и я ничего не мог поделать.

В комнату нам принесли на обед суп. Аппетита совсем не было, но я ел, соблюдая хороший тон. Затем организовался чай со сливовым вареньем, и мы просидели до вечера, пока не наступило время собираться на вокзал.

В двадцать один тридцать мы стояли на темной холодной платформе. Поезд опаздывал на пятнадцать минут, и у меня было еще драгоценное мгновение почувствовать Катю рядом с собой, поддерживать ее под руку, облегчая неловкое использование костылей.

– Я позвоню тебе.

– Лучше я позвоню, когда устроюсь. Куплю телефонную карточку с новым номером, через недельку или две, обяза-

тельно свяжусь с тобой.

Я прижал ее к себе. В этот, уже по-настоящему холодный осенний вечер, я как никогда ощутил ее горячее тело.

– Ты сегодня очень задумчивый, переживаешь?

– С тобой я всегда такой, ты разве не заметила?

– Нет, ты другой. – Она с тревогой посмотрела мне в глаза.

– Да, с некоторых пор, как мы вместе. – Я сделал знак, чтобы она не перебивала. – Помнишь то время, как мы только познакомились? Потом многое не сложилось у нас, мы расстались. Я часто бывал около твоего дома и каждый раз, останавливаясь напротив твоих окон, мечтал: «Вот если бы ты стала моей!» – Мой спокойный голос, изменяя мне, дрогнул; внутри до боли сжало всю грудь. Она положила руку мне на сердце.

– Сейчас выскочит, – шепнула она. – У меня такое чувство, что мы больше не увидимся.

– Вот, ты передо мной, – набравшись сил, продолжил я. – Ты стала моей, но я тебя снова теряю, как потерял восемь лет назад, хочется обнять тебя и уже не отпускать никогда.

Она молча прижалась ко мне. Я крепко обнял ее плечи, прикоснулся губами к ее горячей щеке.

– В прошлом у меня всерьез было два парня, но когда я с ними расставалась, то считала ошибкой встречи с ними, старалась как можно быстрее вычеркнуть их из моей жизни и забыть. О наших встречах я не хочу забывать.

В ее глазах лунными зайчиками сверкнули слезы. Она бы-

ла прекрасна даже в эту минуту печали. Издалека протянулся яркий свет прожектора прибывающего скорого поезда. Через минуту огромная машина электровоза с грохотом доставила двадцать вагонов к платформе и с визгом тормозов остановилась, началась посадка. Сладкий прощальный поцелуй пухленьких Катиных губ. Грудь мою рвало на части. Через две минуты прозвучал предупредительный гудок об отправке, перед глазами замелькали горящие окошки купе и желтые флажки проводников. Стук колес о металлическое полотно утих, и резкий голос громкоговорителя объявил прибытие следующего поезда.

Я неистово жал на газ и несся по улицам с большой скоростью. Свет от фонарных столбов прерывисто взрывался в салоне машины, музыка случайной радиостанции играла на всю громкость до боли в моих ушных перепонках. Я не сдержался: слезы, омывая все лицо, лились ручьем. Со скрежетом тормозов я остановился у себя во дворе.

– Тряпка! – сказал я себе вслух. – Тряпка!

ХII

Прошло две недели, но звонка от Кати не было. Ее старый номер был отключен, значит, как и обещала, она взяла новый, отказавшись от тяготившего прошлого, и начала новую жизнь с чистой страницы. Прозябший ноябрьский воздух, холодный, прозрачный, бодрящий при вдохе, заливал шум-

ные улицы города. Редко висевшие бурые скрученные листья трепетали на заиндевевших по утрам голых ветках кленов и каштанов. На днях я закончил английский перевод для Николая Ивановича, получил от него гонорар и восторженные благодарности за выполненную мной работу в срок. Благодаря ему я получил дополнительную небольшую известность в научном кругу и уже на ближайший год был обеспечен работой над подобными научно-техническими публикациями.

Сегодня, немного простывший и захандривший, я остался дома; сидя перед телевизором в теплых носках и свитере под горло, пил крепкий черный чай. В стране витали политические волнения, вчера прошли президентские выборы, и по телевидению каждый час оглашали результаты с последними изменениями в подсчетах голосов.

Рядом раздался звонок мобильного. На светящемся экране отметился неизвестный номер.

– Здравствуй, Сергей, это Стас беспокоит. Узнал?

– Да, конечно, как поживаешь? – Я встал. Радостное и тревожное чувство заиграло во мне.

– Извини, что не звонил раньше: сначала не было возможности, а потом человеческих сил собраться с мыслями. Сразу после нашего приезда в Киев Кате стало плохо – раны воспалились.

Врачи объяснили, что пошло заражение крови. Три дня Катю мучил жар. Сделали переливание крови, и ей стало лучше. На время лучше. Из-за слабости звонить тебе не мог-

ла, да и врачи запретили, поэтому она попросила меня связаться с тобой, узнать, как у тебя дела...

– Да все у меня отлично, – повышая тон, перебил я Стаса. – Как Катя, когда с ней можно будет поговорить? Или давай я сейчас с ней переговорю, скажи, она рядом? Я не буду ее сильно тревожить.

– Катя умерла. Вчера были похороны.

Время застыло, пространство превратилось в тугое желе. Телефон отделился от моих пальцев и повис в воздухе; медленно опускаясь, коснулся пола, беззвучно разламываясь, стал распадаться на фрагменты: крышка, аккумулятор, экран, мелкие черные винтики. Словно осколки разбитой хрупкой и молодой человеческой жизни.

Обхватив горячий мокрый лоб ладонями, я сел на диван. Хотелось плакать, но слез не было, и глаза резало от сухости. Страшный, жуткий, опустошающий каждую мою клетку немой вакуум застыл в квартире.

«Боже!.. За что?!» – стучало в моих висках.

Лежа на диване, с холодной безразличностью смотрю сквозь потолок в никуда. Кто-то звонил в дверь, но я не открыл. Сейчас снова звонят, стучат, но я не хочу, не могу встать, руки и ноги окаменели, стали тяжелыми и неподвижными глыбами, в которых напряжены до предела жилы. Хочу вскочить и бежать, бежать к скверу, мимо старой скамейки и вислой ивы, через двор, где бывал сотню раз и знаю каж-

дый кирпичик дома, вбежать вверх по лестнице и ворваться в комнату, где еще недавно витал сладкий запах красного шампанского, хочу взять Катю за руки, обнять ее нежное тело. Но я остаюсь неподвижным, сдаюсь в борьбе с пониманием произошедшего, я повержен, положен на обе лопатки, и невидимый мой враг с ликом смерти смеется надо мной в кривой жестокой улыбке. Обрываются мысли, с ними с болью срывается что-то внутри, сжимается, подходит к горлу и не дает дышать. Не дышу пару секунд, полминуты, затем минуту... Но с резыю в горле продавливаю колкий глоток воздуха в легкие, и вот вздымается моя грудь, снова дышу с тяжестью и надрывом.

Поздний рассвет обозначил новый бессмысленный день. Зачем он мне? Для чего? Если нет надежды сорваться с места, пересечь моря и горы, чтобы увидеть блеск любимых карих с грустинкой глаз, нет возможности вдохнуть в сладкие губы жизнь, что бы их уголки дрогнули и озарились радостью в улыбке. Я низок в своем бездействии и жалок в беспомощности.

С помощью запасного ключа, оставленного ему на всякий случай, Дима влетает в квартиру. Увидев меня, он останавливается на минуту в прихожей, отдышавшись, берет стул, садится напротив, долго вопросительно вглядываясь в меня.

– Таня? – спросил он. Затем, немного подождав: – Мама, родственники?

Зная, что не смогу ответить, я закрыл глаза.

– Нужно что-нибудь срочно предпринимать? – продолжал пытаться Дима.

Я отрицательно покачал головой. Он молчал, волнуясь и теряясь в догадках, замерев на крае стула, словно прислушивался к моему ритму дыхания. Через какое-то время он ушел в кухню, поставил чайник на огонь и вышел на балкон. Дима закурил, сильно чиркал спичками и выкуривал сигарету за сигаретой. Табачный дым просочился из кухни и заполнил всю квартиру стойким горьким запахом. С ранними сумерками незаметно подкралась еще одна пустая, ужасная для меня ночь.

– Уже совсем поздно, – начал осторожно Дима, стоя в шаге от дивана. – Я могу уйти? Юля волнуется. Завтра утром обязательно зайду.

Не говоря ни слова, я положительно кивнул ему. Сквозь стекло окна слышалось скрежетание роликов об асфальт — несмотря на холод глубокой осени, на площади кто-то все еще катался. Затем все стихло, и только урчание редко проезжающих машин нарушало мертвую тишину.

«Зачем я к ней пошел? – крутилось у меня в голове. – А придя, зачем вышел ждать во двор? Почему не сказал прямо с порога то, ради чего спешил к ней? Зачем тянул? Я во всем виноват. Только я!»

Мысли с отчаянием захватили все мое сознание и понесли то ли в прошлое, то ли в несбыточное будущее. Пустырь и футбольное поле, где мы с Катей выгуливали Герду, зарос-

ло высокими душистыми травами, они волновались от ветра, словно вода бледно-зеленого, плоского как блюдце озера. Катя, маленькая и совсем юная, потянулась на носочках и поцеловала меня в щеку. Я хочу ее обнять и увлечь к себе, но она прячется в гибкой высокой траве, и я не могу ее найти, сержусь и прошу откликнуться. Сердце мое клокочет и рвется. Я долго иду и незаметно оказываюсь в лесу, многолетние клены с мощными широкими кронами осыпают меня крутящимися крылатками. «Дежавю! Это уже было со мной!» – Я оборачиваюсь, между деревьями, играя с опавшими бурными листьями, появился доберман.

«Герда, Герда!» – взволновано кричу я, но она не слышит меня. «Герда!» – кричу снова я и бегу к ней. Она, бестолковая, убегает, хватая и подбрасывая вверх листву своей узкой пастью. Я запыхался и остановился, наблюдая, как она пропадает за кустарником и многочисленными стволами деревьев. Хочется плакать, но слез снова нет, и мои глаза до боли сухие. С досадой я хватаюсь за голову, не зная куда идти. Где-то рядом должна быть «она», но где искать ту, о которой мечтал, ту, которая так дорога мне? Я сажусь в мокрые листья, закрываю ладонями лицо. «Я люблю тебя! Если бы ты знала, как люблю и как перед тобой виноват!»

Я открыл глаза. За окном моей квартиры черное небо разрежала серость находящего утра. Город просыпался, загудела улица, тихо ворковали и стучали клювами о стекло на-

хохлившиеся дикие голуби, прилетев искать корм ко мне на подоконник. Я нашел в себе силы и перешел в ванную комнату.

Лежа в теплой воде, я смотрел, как над зеркалом слабо мерцала лампа. «Значит, скоро перегорит ниточка». Капли воды монотонно хлюпали в наполненную ванну, пуская правильной формы круги миниатюрных волн. Круги расходились, увеличиваясь в диаметре, разбивались, как о рифы, о мои ноги и туловище, взбаламучивая алое густое облако, медленно и зловеще расплывавшееся от моих израненных лезвием предплечий. С болью в висках в тело постепенно приходила долгожданная, тягучая, освобождающая от страданий слабость... «Я люблю...»

Я очнулся на своей кровати под теплым одеялом. Голова раскалывалась, в теле были нездоровые онемение и дряхлость, тошнило. Через слабые приоткрытые веки окружающие предметы виднелись размытыми, темными и светлыми пятнами, в которых я сумел узнать Диму, разговаривавшего в зале с человеком в белом халате. Они общались в полголоса, и я не мог разобрать суть разговора. Когда дверь за врачом захлопнулась, Дима вошел ко мне в спальню. Мой взгляд прояснился, и я разглядел его, растерянного, с помятым бледным лицом, выглядевшим совсем разбитым. «Как все-таки переживает этот человек за мою никчемную душонку», – невольно подумал я.

– Я так и знал, что тебя нельзя одного оставлять! – Ди-

ма старался говорить сдержанно, но было видно, как тяжело ему не сорваться на меня в крик. – Мне Юля рассказала одну вещь. – Он наклонился ко мне как можно ниже и посмотрел прямо в глаза, как будто стараясь взглядом влезть ко мне вовнутрь. – Таня ей звонила недавно, поделилась радостью – у вас будет ребенок, просила тебе пока не говорить: сюрприз готовит. Живи, дурак, живи! Понял?! – голос его дрогнул. – Что ты молчишь!?

– Буду жить. Буду...

Обильные слезы полились из-под моих век, тело задрожало, мне стало стыдно перед ним, Юлей, перед Таней, бабушкой... перед Катей. Дима ушел на кухню, закурил. Дрожь во мне не утихала, окаянные мысли сплелись огромным клубком, где нельзя было найти ни начала, ни конца того, о чем я думал. Так я и уснул — беспокойный и издерганный сомнениями, вьёвшимися в меня, пропитавшими меня насквозь.